

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2009

Содержание

1. ИМПЕРИАЛИЗМ, МИСТИЦИЗМ И УБОЖЕСТВО
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПОЛЬСКИЕ РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА
4. НА ТРАМВАЕ ДО ДЕТСКОГО ДОМА
5. УЛЫБКА
6. ПРЕКРАСНОЕ ЛИЦО
7. ПОЛЯКИ НА ВЕРШИНАХ ВЛАСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ
8. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
9. ТВОРЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА ВСЕГДА БЫЛА БЛИЗКА МОЕМУ
СЕРДЦУ
10. БЕЛСАТОВЦЫ С ПОЛЬСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ИМПЕРИАЛИЗМ, МИСТИЦИЗМ И УБОЖЕСТВО

Текст составлен из фрагментов интервью с Рышардом Капустинским, которые писатель давал в разное время.

.

Принято считать, что восточную часть Европы от западной отделяет граница между латиницей и кириллицей. Русские же на этот счет расходятся во мнениях: спор идет о том, является ли Россия частью Европы. Именно этот вопрос в XIX–XX веках стал камнем преткновения для русских интеллигентов, большинство которых утверждало, что Россия отличается от Европы и имеет евразийскую природу. Проблема подвижных границ возникла в Восточной Европе еще в XIII веке во времена монгольских набегов. Исторические карты этой части света — сплошная неразбериха.

Россия — огромная страна, расположенная в очень важном месте нашей планеты. Восточная окраина Европы и соседство с Китаем. Часть территории — степная Азия. Мы говорим Азия, но ведь существуют две Азии: Азия китайской, индийской, японской цивилизации — самых мирных, гуманных религий мира — и Азия российских степей, которая всегда таила в себе угрозу; всё, что исходило из глубин этих степей, было деструктивным. Подчинить себе эту Азию невероятно сложно и так же сложно остановить экспансию ислама: все подбрюшье России — это ислам: динамичная, богатая, догматичная и наиболее активно развивающаяся во всем мире религия.

Остановить распространение ислама может только христианская Россия. Поэтому всё, что происходит в России, крайне важно; поэтому Запад и США жизненно заинтересованы в ее стабильности. И это основной критерий, из которого исходит Запад, строя свои отношения с нашей частью света: он будет сотрудничать с любым правительством, гарантирующим стабильность на этой территории. Все прочие критерии — идеологические, политические — второстепенны. Если кто-то в этом регионе хочет в борьбе за власть заручиться поддержкой Запада, он должен иметь программу, главной целью которой является стабилизация общества. Запад будет поддерживать

такую власть в России, которая, по его мнению, обеспечит стабильность.

Я думаю, что возврат к коммунизму в России невозможен. Там уже образовался экономический класс, который в этом не заинтересован. В то же время могут упрочиться разные формы авторитарной власти, особенно авторитарной бюрократии, то есть власти представителей тех групп, которые будут в состоянии (также по договоренности с Западом) в той или иной степени гарантировать стабильность. Не думаю, чтобы в России могли произойти какие-либо существенные изменения.

.

Россия никогда не была этнически однородным государством. Великое княжество Московское, которое путем экспансии и завоеваний превратилось в империю, с самого начала было многонациональным. Особенность русского характера, собственно, и определяется тем, что Россия безгранична. Русский в Ташкенте считает, что он по-прежнему находится в России.

Русские говорят, что самые надежные рубежи России — это те, где по обе стороны границы стоят русские солдаты.

Территории, традиционно заселенные русскими, составляют меньшую часть Российской империи. И сейчас, после распада СССР, в стремлении восстановить его границы, вернуть полностью территорию великой державы, становится все более очевидно, что понятие «российское» вмещает в себя имперские амбиции. Только так и не иначе. Русский не представляет себя гражданином государства размером, например, с Голландию. Его место — в мощном государстве, занимающем гигантскую территорию. Недаром десятки поколений русских людей, жертвуя личным счастьем и благосостоянием, посвящали свою жизнь созиданию империи.

.

Все колониальные державы укрепляли свое могущество за морями. Потом колонии просто исчезли с карты мира. А Россия расширяла свои границы за счет наземной экспансии: и метрополия, и колонии находились в пределах одного государства. И в этом заключается вся разница.

.

История России на протяжении веков была историей непрерывной экспансии. Страна сотни лет жила идеей покорения и колонизации новых территорий. Но масштаб России, огромные пространства, то, чем русский может гордиться, одновременно стало и тем, что губит его отечество, что оправдывает всякое зло и нужду во имя могущества великой России.

Это всё та же идея экспансии. Русские всегда стремились шагнуть за пределы России, так как не в состоянии были ее освоить, превратить в цветущее государство и компенсировали это завоеванием других стран. Заботясь о достижении могущества, мечтая о Европе, они сами обрекали себя на экстенсивное развитие. Просторы России, как верно писал в начале XX века Николай Бердяев, оказались ловушкой для русских.

Русский всегда впадает в крайность. Он или любит, или ненавидит. Ему не хватает свойственного складу ума западного человека последовательного и творческого критицизма. Для русского всё либо настолько совершенно, что ничего не нужно менять, либо так безнадежно плохо, что ничего изменить нельзя. Так было и в период перестройки. Я встречал как яростных, ожесточенных защитников status quo, так и — на противоположном полюсе — людей, которые всё осуждали и неспособны были увидеть в ситуации положительное, созидательное начало.

.

Если в период перестройки массы и принимали в чем-то участие, то, во-первых, они не были организованы и не могли создать собственную институцию, а во-вторых, действия их были направлены на реализацию собственных национальных интересов, прежде всего на увеличение самостоятельности республик. Поэтому в советском обществе не могло возникнуть единого движения, ставящего своей целью демократизацию всех государственных структур.

Большим минусом стало то, что во время перестройки не были решены нараставшие экономические проблемы. Народное хозяйство в тот период фактически пришло в упадок. Подобный процесс происходил и в обществе, уровень жизни в стране был к тому времени уже очень низким. В такой ситуации любой, даже самый незначительный экономический промах воспринимался обществом крайне драматично.

Я думаю, именно поэтому значительная часть или даже подавляющее большинство советского общества относилось к перестройке скептически. Перестройка ассоциировалась, прежде всего, с ухудшением экономического положения. Во многих случаях люди оказывались на грани голода. Поскольку речь шла об определенном выборе — между перестройкой и условиями жизни, — значительная часть общества в Советском Союзе (после стольких лет возвышенных лозунгов) отвергла идею перестройки и стала поддерживать программу, призывавшую к восстановлению порядка.

.

Дело вовсе не в том, что Запад переоценил Горбачева, который совершил ошибку, экстраполировав свое демократическое мышление на процесс, происходивший в России. У меня совершенно другая точка зрения. Горбачев был типичным аппаратчиком, только умнее других, более интеллигентным и владеющим искусством манипуляции. Известно, что ни один политик не в состоянии осуществить все свои намерения. Чаще всего ему удается сделать не так уж много. Горбачеву повезло. Мне кажется, ему более-менее удалось реализовать то, что он запланировал. Он пробовал усовершенствовать нефункционирующий механизм и потерпел поражение, но, несмотря на это, удержался у власти и остался у руля. Разумеется, как это свойственно политику-манипулятору, меняя позицию в зависимости от того, какие силы на него давили.

.

Мои собеседники в Советском Союзе порой сравнивали перестройку с процессом «отпускания вожжей». Едет русская тройка, ямщик ослабляет вожжи; но упряжка всё та же и лошади те же. По моему мнению, это сравнение точно передает суть сложившейся ситуации.

.

То, что рано или поздно наступит конец этой империи, со временем становилось всё очевиднее. С каждым десятилетием всё больше бросалось в глаза, что страна теряет шансы в игре «Кто завоюет мир». Крах был неизбежен. Вопрос состоял в том, когда и как это произойдет.

Сейчас нам уже известно, что произошла имплозия, но с тем же успехом могла бы произойти эксплозия и даже новый мировой конфликт. Никто, однако, не предвидел, когда именно

рухнет империя. Многие политологи сегодня утверждают, что они чуть ли не с точностью до минуты предугадывали конец СССР, но это совершеннейшая ерунда. Можно предугадать тенденции, экстраполировать процессы, но нельзя точно определить время кризиса. В этой игре слишком много различных факторов. Слишком много их было и в биполярном мире. Сейчас, когда полюсов еще больше и они менее четкие, делать удачные прогнозы еще труднее.

.

В конце 1980-х я работал над книгой об Иди Амине, третьей частью (после «Императора» и «Шахиншаха») моей трилогии о диктаторах. После падения режима Амина прошло уже несколько лет, и в 1988 г. я снова поехал в Уганду, чтобы восстановить некоторые мелочи, которые стерлись у меня из памяти. Там-то, в Уганде, я понял, как быстро улечивается историческая память. Все уже забыли, оттолкнули от себя воспоминания о недавних безумствах и смерти.

Я впервые ясно осознал, насколько недолговечна коллективная память.

Работая над книгой, я постоянно получал известия об изменениях, происходивших в СССР, и понял, что там действительно происходит нечто важное. И решил туда поехать. Мой угандийский опыт показал: человеческая память избирательна. Я хотел побывать в СССР еще до того, как время изгладит из памяти детали.

.

Почему распался Советский Союз? По разным причинам. Потому что не выдерживал конкуренции с Западом и постепенно сдавал свои международные позиции. Потому что не был в состоянии произвести ничего современного. Не сумел создать ничего, что поддержало бы его статус великой державы.

Еще одной причиной падения СССР была борьба за власть между центром, который возглавлял Горбачев, и националистическими силами в республиканских партаппаратах. В руководившей Советским Союзом номенклатуре происходили два вида изменений. Националистические силы в республиках начинали приобретать все большее значение, и партийный аппарат понял, что сумеет удержаться, только если станет играть по их правилам. Таким образом, возникли противоречия между центральной властью и все более националистически

настроенными партократами в республиках. Лидером националистических сил в партии, видевших свое будущее в дезинтеграции Советского Союза, стал Борис Ельцин. Борьба между Горбачевым и Ельциным была борьбой двух концепций сохранения власти руководящей номенклатурой. У Горбачева не было шансов, так как в споре идеологии с национализмом всегда побеждает национализм.

Западные наблюдатели ожидали, что партийная номенклатура будет бороться за сохранение власти любыми способами, в том числе выведет на улицу танки. Однако значение слова «революция» во второй половине XX века изменилось. Сейчас уже нет кровавых революций. Когда-то один класс, чтобы захватить власть, физически уничтожал прежний правящий класс. Сегодня мы имеем дело с новым типом революции, которую можно назвать переговорной. В ее рамках правящий класс добровольно отдает большую часть политической власти взамен за получение контроля над значительной частью экономики. Осознание этого процесса — ключ к пониманию того, что случилось в Советском Союзе и почему такие громадные изменения произошли без больших жертв.

.

Когда я путешествовал по СССР в последние месяцы существования империи, здания, где располагались местные органы власти, то есть партийные комитеты, пустовали. Управленцев в них не было. Я пытался их найти, но оказалось, что прежние аппаратчики уже стали владельцами первых частных ресторанов, автозаправок, магазинов или банков. Втихую, но четко и организованно они оставили свои прежние посты и заняли новые, создавая в экономике мафиозные структуры, которые и управляют сегодняшней Россией. Политическая власть их больше не привлекала, не давая экономических привилегий, которые давал новый капиталистический рынок.

Этот процесс повторился во всех государствах Восточной Европы.

.

Россия не потерпела поражения на поле битвы, не была унижена навязанным извне мирным договором, с которым внутренне не соглашалась, как это произошло с Германией в 1918 году. Немцы считали, что они не побеждены, а преданы, и что им был навязан позорный Версальский мир. Советская империя просто распалась по причине своей

несостоятельности, в России не было чужих войск, ей никто ничего не диктовал. Русские сами несут ответственность за жалкий конец своей империи. Я встречал на Украине русских, которые говорили: «Не хочу больше быть русским, хочу быть украинцем, потому что русские — неудачники, империалисты и убийцы». Возможно, это исключения, но весьма симптоматичные.

.

Раскол в советской армии, насчитывавшей в общей сложности три с половиной миллиона человек, стал отчетливо заметен во время августовского путча, когда разные дивизии становились на разные стороны баррикад. Они не воевали друг с другом, но одни принимали участие в путче, а другие отказывались от участия в нем и переходили на сторону Ельцина.

Кроме того, в армии существуют огромные разногласия между генеральским корпусом (суперэлитой) и массой офицеров низших рангов и солдат. Генералитет, как выяснилось во время того же путча, не имеет с ними никакого контакта; не знает, что происходит в частях. Офицеры низших рангов — несчастные люди; в дику жару они ходят в теплой форме, потому что другой у них нет. Многие принимают участие в митингах и собраниях оппозиции.

Когда Язов направил на штурм российского парламента две дивизии, оказалось, что в современных танках сидят солдаты в кедах. У них не было ботинок. Женщины, которые уговаривали солдат не стрелять, первым делом бегали домой за едой. Эта армия просто-напросто голодала. Народ, накормив солдат, одержал психологическую победу. Армия поняла, за кем надо идти.

.

Процесс «индепендизации» отдельных республик, то есть получения ими независимости, позволил в значительной мере укрепиться неосталинским командам, особенно в среднеазиатских республиках. Зачастую те, кто поддерживает борьбу за независимость, путают это понятие с демократией.

.

В Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане местные неосталинские кланы провозгласили независимость, потому что боялись русских, хотя до сих пор режим насилия навязывали они сами. Я был в Ереване, когда там создавался

армянский Народный фронт. Речь шла об образовании новой организации — независимой, демократической, народной. Когда я пришел на заседание, оказалось, что открывает и ведет его первый секретарь ЦК КП Армении.

Таким образом, весь процесс осуществлялся в ситуации, когда не было никаких альтернативных структур, подобных «Солидарности» или, еще раньше, католической Церкви в Польше.

•

После распада Советского Союза и краха коммунизма, сопровождавшегося разрушением государственной и идеологической структуры, Россия вступила в период глубокого кризиса. Государственный кризис совпал с идеологическим, экономическим и социальным.

Проблема России в том, что она не ответила за «грехи» большевиков. Никто не покался. В России не было, как в Польше, сильной оппозиции — основы гражданского общества. К моменту распада Советского Союза не было никакой контрэлиты. По сути, верхи власти в России остались прежними — это та же самая номенклатура, те же самые люди, поэтому они не могут — и не намерены — пересматривать собственное прошлое.

•

Лешек Колаковский когда-то писал, что история России — это история, постоянно начинающаяся заново. А у истории, которая все время находится в процессе создания, нет времени обращаться к прошлому.

•

Русские не разобрались до конца со сталинизмом, не дали оценку советской системе. Обнародование ужасающих документов, правда о ГУЛАГе или Катыни — пожалуйста. Но сейчас и это отошло на задний план. Немцы на протяжении пятидесяти лет после окончания войны обсуждали вопрос, как она вообще могла произойти. А что в России? Достаточно посмотреть на издаваемые там книги. Одни переводы американской литературы. Ни малейшего интеллектуального напряжения, никаких попыток подвести итоги. Узнать что-либо о российском обществе, найти какие-то исследования, труды невозможно. Разрозненные материалы в газетах есть, но

никто не пытается собрать их, объединить в какой-нибудь солидный труд.

•

О гибели миллионов своих сограждан люди знают, но далеко не все осознают, что несут за это и свою долю ответственности. Я видел мистерию в старорусском духе, где со сцены звучало: не русские совершили революцию в 1917 году — наоборот, они ее жертвы. Мало того: раз с 1917 г. погибло сто пятьдесят миллионов русских, значит, русский народ пережил настоящий геноцид, причем уничтожены были лучшие. Это, мол, освобождает остальных от чувства вины.

•

Необходимо помнить, что в сталинские времена палач тоже сплошь и рядом становился жертвой: начиналась очередная чистка, и тот, кто еще недавно подписывал приговор, спустя несколько лет сам мог попасть в лагерь, откуда позже возвращался как незаслуженно преследовавшийся, а если не возвращался, то был реабилитирован посмертно.

Большинство молодых людей в 1956 г. узнали, что их родителей незаслуженно репрессировали. И жили себе спокойно, однако по мере того, как открывались архивы, выяснялось, что родители — до вынесения им приговора — могли быть людьми Ежова, Ягоды, Берии или кого-то подобного. Мало кто из нынешних диссидентов может сказать, что у него чистые руки. Огромное количество людей молчит, молчат и их дети. Эти тяжелейшие моральные проблемы очень усложняют процесс перемен.

•

В русском сознании постоянно возникает и заглушается чувство вины. В СССР (по разным оценкам) было уничтожено от семидесяти до ста миллионов человек. Вопрос: кто их убил? Где исполнители? Чтобы не отвечать на этот вопрос, русские националисты говорят, что жертвами пали в основном русские, а виновник — международный заговор. По их представлениям, гибель евреев — в историческом плане не такое уж значительное дело; Катынь? — вообще не о чем говорить. Преступления против русского народа, по их мнению, перевешивают все остальные преступления.

В Минске, где находятся Куропаты, расположенные практически в черте города, недавно выяснилось, что большой

центральный парк — еще и место массового захоронения: там лежат останки 300–500 тысяч человек. Целые горы, поросшие сравнительно молодым лесом, новый пейзаж — покопавшись рукою в земле, можно наткнуться на кости. Масштаб этого геноцида настолько ужасающ, что неизвестно, как быть. На месте некоторых массовых захоронений уже построены жилые микрорайоны. И что теперь? Сносить их? Нет средств.

В то же время поколение, для которого вина и ответственность — не пустые слова, постепенно вымирает, и подрастает новое поколение, антисоветское, но абсолютно циничное. Оно не хочет ни о чем слышать, не хочет ничего видеть, его интересуют лишь американская массовая культура и собственное благосостояние.

.

В России, в отличие от всего мира, в политической жизни участвуют люди в возрасте. Достаточно пойти на любую демонстрацию. Первого мая в Москве вообще не было молодежи, на улицу вышли только пожилые люди, причем совершенно разных политических взглядов.

Молодежь антиполитична, аполитична и совершенно американизирована. Меня пригласили на ужин к знакомым. Их внучка-подросток, которая учится в «престижной» школе, никогда не слышала о Сахарове, и никто в ее классе не слышал. Только несколько школьников слыхали о Солженицыне, не говоря уже о том, что его книг никто не читал. Это поколение вообще не хочет ничего знать о прошлом, не хочет ни с кем сводить счеты и подводить итоги — сплошная стена.

.

Русские восприняли кризис государства, империи как явление переходное, временное. Когда я спрашивал имеющих отношение к государственной верхушке русских, опасна ли Россия для Польши и Запада, ответ был типичным: нет, нет, мы не опасны, потому что в армии коррупция, в отдельных видах войск полная дезорганизация, проблемы с вооружением, устаревшая промышленность и т.п. Таков был их ответ. И ни слова о том, что мы, дескать, покончили с коммунизмом и великодержавной политикой, что хотим строить демократическую, мирную Россию, что идет принципиальное изменение курса, доктрины, философии и концепции государства. Нет, такого ответа не услышишь.

После периода шока и растерянности, вызванных распадом СССР, с 1992 г. происходит процесс восстановления и консолидации прежних позиций и прежних концепций. Русский ум не может согласиться с потерей великодержавных позиций. Последние годы показали, что истинно «российское», по мнению русских, возможно только в великодержавной форме. Концепция «российского» — это концепция больших пространств, широкомасштабной экспансии и невозможности отказаться от того, что некогда уже являлось собственностью. Прекрасный пример — Курильские острова. Они не представляют собой никакой ценности, кроме доктринальной (мол, российский солдат не уходит с завоеванной земли). Япония была бы готова уже на следующий день, пустив в ход весь свой экономический потенциал, заняться развитием Сибири, но из-за четырех островков не может этого сделать.

.

Сегодня Россией управляет конгломерат мира политики и мира экономики с невероятно размытыми границами. Непредсказуемое поведение такого конгломерата зависит от того, какие интересы преследуют в данный момент эти два мира.

Россия сегодня — большой гибрид. Всякому периоду трансформации свойственно смешение элементов старой и новой системы. Мы можем определить только некоторые силы, оказывающие влияние на форму этого гибрида. В первую очередь это персональные связи и взаимопроникновение мира политики и экономики, а также деление на центр и регионы и вообще разделения, касающиеся разных сторон жизни.

Когда-то, еще в Советском Союзе, расстановка сил и интересов была очевидной. Говорилось, например, что в СССР существуют три больших и монолитных экономических комплекса: вооружения и тяжелой промышленности, сельскохозяйственный (или колхозный) и топливно-энергетический. Каждый из них оказывал определенное влияние на власть. В настоящее время этих комплексов, активно влияющих на центр, уже не существует; в их рамках действуют различные небольшие группы с разными интересами.

Возьмем, к примеру, топливно-энергетический комплекс. В сегодняшней России прекрасно развиваются газовая и нефтяная отрасли, но приходит в упадок горнодобывающая: она приобретает второстепенное значение, как и повсюду в мире. Стратегии развития предприятий нефтегазовой

промышленности, с одной стороны, и горнодобывающей — с другой, сегодня коренным образом различаются.

.

Русские — большие фаталисты. Русский по-прежнему ближе к природе, чем европеец, а человек, который близок к природе, воспринимает любое бедствие как стихийное, как наводнение, пожар — чему быть, того не миновать. Подобным образом русский относится и к политике государства, и к своей судьбе. Получает он, скажем, нищенскую зарплату в шестьдесят рублей, а когда его спрашивают, как же можно так жить, отвечает: «Ну, надо потерпеть». Русский — человек, который считает терпение составной частью и формой своей жизни. И то, как он терпит, как стоит в бесконечных очередях, тому подтверждение.

Здесь толпа безмолвствует. Если в самолете «Аэрофлота» летит группа иностранцев, это сразу заметно, потому что слышны шум, гам. Если же летишь каким-нибудь внутренним рейсом, где одни лишь русские, — вокруг тишина. Все сидят молча, никто не разговаривает. Возбуждение, оживление — значит, рядом какие-то иностранцы. Разница — существенная. Российская толпа будет часами, днями и ночами стоять на морозе, на снегу, неподвижно, безмолвно, как камень, как скала.

Типичный фатализм, пессимизм: всё воспринимается как Божья кара. Надо терпеть, такова жизнь... Ведь вся российская философия, если обратиться к прошлому, к Бердяеву, Соловьеву, Трубецкому, — это философия мученичества, жертвенности, самоотречения. Потому-то русские редко бунтуют. Есть у русских людей странная черта: кажется, что они получают какое-то мазохистское удовольствие от страдания, будто оно их возвышает. Что знает о жизни западный человек, если ему вообще не приходилось страдать? Мы страдаем, мучаемся, но мы настоящие люди, мы способны постичь глубины человеческого существования.

.

Еще одно распространенное выражение: «некуда деться» — ты здесь, где и должен быть, куда ты денешься. И, наконец, третья максима здешней жизненной философии: «так хорошо, как было сегодня, уже никогда не будет». Радуйся дню сегодняшнему. Незаметно, чтобы эти люди всерьез бунтовали.

.

Следует помнить, что для настоящего мятежа — не для «суеты ради колбасы», а для гражданского, общественного бунта — необходимо, чтобы люди вели мало-мальски пристойное существование. А советский человек с утра до ночи надрывается и старается хоть что-нибудь купить, то есть это человек смертельно измученный, еле живой. Когда идешь по улице или едешь в метро, видишь лица людей, падающих от усталости. По моему мнению, все указывает на то, что эта толпа скорее смиренная: она может кого-то оскорбить, выразить недовольство, но не способна на иные формы коллективного протеста.

•

Проблема в том, что в Советском Союзе не производились инструменты индивидуального пользования. Декретом ничего не изменить в условиях действительности, где не существовало мотыги и бороны. Я видел в Узбекистане под Ташкентом крестьян, обрабатывающих землю с помощью металлического стержня, наподобие кайла, как и сотни лет назад. То же самое и в центре метрополии: у московского сантехника в распоряжении только молоток. Промышленность была нацелена на производство больших машин, в строительной сфере предпочтение отдается шлакоблокам, каменщики размешивают раствор руками, у них просто нет мастерков. Это даже нельзя назвать отсталостью. Это бездонная цивилизационная черная дыра.

•

Природа России не помогает. Прежде всего — здесь очень скудные земли. Поэтому так важна Украина с ее плодородной почвой. Непогодность земли усугубляется тяжелым, холодным климатом и темнотой — коротким вегетационным периодом. В Скандинавии разработаны технологии, которые позволяют провести сев и сбор урожая за четыре-пять месяцев (таковы климатические условия на этой географической широте). Однако у них там есть профессиональная техника, удобрения и приспособления, которых в России нет.

•

В России бросаются в глаза убожество жилья и убожество человеческих отношений — взаимное недоверие, страх, агрессия и хамство. А убожество уродует человека. На Западе думают, что, раз Россия или Африка бедные, их нужно просто накормить и в принципе проблема будет решена. Ничего это не

решит, а лишь продлит немного биологическое существование людей.

Я думаю, одной из важнейших задач российского общества будет преодоление убожества, нищеты. Это процесс очень длительный, очень болезненный и очень тяжелый. Но поиск и определение собственного самосознания для русских — фундаментальная и самая существенная проблема.

.

Когда у нас во время военного положения проходили уличные демонстрации — всё было одного цвета. «Солидарность» — один цвет, такого же цвета знамена. А вот на митингах в Москве или Санкт-Петербурге — просто джунгли какие-то: в глазах рябит от названий партий регионального типа, политических групп самого разного толка, начиная с «Памяти» и «Мемориала» и заканчивая анархистами и анархосиндикалистами, демократами, монархистами... словом, кого только нет. Становится понятно, как далеко зашла здесь дезинтеграция. И даже с течением времени не появилось общей идеи, общего лозунга. Единственным объединяющим элементом остается национализм, и каждый, кто претендует на роль политического лидера, использует его, ибо другого лозунга, близкого и понятного людям, нет.

.

У них нет Бога на небе, нет богов и на земле. Они абсолютно одиноки и сейчас ищут выход из этой трагической ситуации. Россия ищет выход из коллапса. Постепенно возрождаются национальные ценности. Начинает возрождаться великий русский мистицизм. Россия всегда была для русских мистическим, метафизическим понятием.

.

Когда я ездил по этой огромной стране, никого не интересовала ни моя фамилия, ни моя профессия, зато все спрашивали, кто я по национальности. Стюардесса в аэропорту тоже обращалась ко мне не по фамилии, а кричала: «Польша!» Как будто национальность — единственная отличительная черта человека, и это в стране, которая на своих знаменах писала лозунги интернационализма. Когда я разговаривал с азербайджанцем о каком-нибудь армянине и наоборот — неважно, был ли этот армянин (либо азербайджанец) великим математиком или писателем, красив он или нет, молод или стар: значение имела только национальность.

Где следует искать причины национализма? Мне кажется, прежде всего в экономических условиях, в нищете. Конфликт начинается с борьбы за кусок хлеба, которого должно хватить всем. Сколько погромов и кровавых столкновений начиналось с борьбы за дефицитные квартиры, дефицитные товары или же за возможность попасть в хорошо снабжаемый магазин. В напиральной на пустые прилавки толпе человек идентифицируется прежде всего по национальному признаку. Так было в Фергане с месхетинскими турками, в Баку с армянами и в киргизском городе Ош с узбеками.

.

Для российской культуры характерна двойственность, создающая человеку извне массу проблем. С одной стороны, бездушная официальность, безразличие, даже враждебность, с другой — чудесная экспрессия чувств. Я бы сказал, в России можно обнаружить две этики, совсем как в племенном обществе. К другому, к чужаку относятся с неприязнью, и отчужденность считается обязательной. Только соплеменнику охотно оказывают помощь — значит, чтобы выжить, необходимо стать частью этого мира.

.

На юге у России всегда были огромные проблемы. Она постоянно ввязывалась там в войны — крымские, кавказские, среднеазиатские. В русской литературе XIX века присутствие русских на юге всегда сводилось к жизни в крепостях, всегда носило оккупационный характер. Большевицкая революция произошла в 1917 г., а басмачи на территории Узбекистана и вообще в Азии действовали еще до 1940 года. С приходом немцев там стали формироваться узбекские, казахские дивизии, сражавшиеся на стороне Гитлера против России. Движение сопротивления в самых разных формах существовало в этих краях практически всегда. Отсюда массовое переселение при Сталине целых народов в Сибирь.

В Чечне наложились друг на друга два конфликта. Один конфликт государственный — попытка восстановления прежнего Советского Союза под другим названием, то есть попытка реколонизации после периода деколонизации, произошедшей в 1991 году. Второй, весьма существенный, — это конфликт между Россией, русским духом, православием (с некоторыми оговорками) и экспансией ислама. Позиция России там находится под угрозой, хотя бы по демографическим причинам. Четвертый год в России наблюдается демографический спад, зато нерусское население

Российской Федерации, в том числе, например, Чечни, в шесть раз превысило средний темп демографического роста. Если эта тенденция сохранится, через тридцать-сорок лет русские в России окажутся в меньшинстве. А нерусские в России — это прежде всего тюркоязычные мусульмане.

.

Нельзя спрашивать, кто выиграет, а кто проиграет в Чечне, — вопрос можно поставить только так: есть выход из конфликта или нет? В крайнем случае этот конфликт можно разрешить, применив военную силу. Но Россия не может выиграть войну с исламом. Ислам сегодня — самая экспансионистская религия, оказывающая огромное влияние на бедные народы, которые ищут свое место в мире. Учитывая экономическую и военную слабость Москвы в настоящее время, а также мощную динамику развития тех сообществ, которые пользуются поддержкой всего мирового ислама, прежде всего Ирана и Турции, нетрудно понять, что над Россией вновь нависает угроза «горящей границы». Народы кавказского региона пока решают внутренние проблемы, но они в состоянии объединиться в общую федерацию. Тогда они стали бы огромной силой. Вдобавок им благоприятствуют территориальные условия, в которых регулярная армия войну выиграть не может.

Для России это может обернуться новым Афганистаном. В российском обществе уже есть так называемые афганцы, сейчас появятся «чеченцы», потом, может, и «ингуши». При сталинизме можно было приплести идеологию: мол, ради победы коммунизма необходимо бороться с контрреволюционерами. Но как можно поддерживать отношения с Западом, ждать от него помощи, провозглашать политику демократии, открытости, реформ и одновременно подминать под себя целые народы? Это вещи не сочетаемые. Как обосновать подобного рода интервенцию? Чем?

.

Россия стоит на перепутье. Традиционно здесь сталкиваются две силы — славянофилы и «западники», то есть те, кто считает, что Россия представляет собой особый мир, ориентированный на Азию и славянскую Европу, и те, кто хотел бы объединить Россию с Западом. Возможно, ни одна из этих сил не победит окончательно, и грядущее будет отмечено борьбой двух тенденций.

Скорее всего, Россия никогда не восстановит свою великодержавную позицию. Вероятно, и далее она будет демонстрировать имперские амбиции, но время великих империй уже прошло, сейчас сила государства не измеряется величиной территории. Самая большая страна в Африке, Судан, — одно из самых слабых государств на континенте. У Голландии или Израиля крепкие позиции на международной арене, хотя по размеру они меньше российских республик. Россия вынуждена снова укреплять свой международный престиж.

•

На позицию России в мире следует смотреть не только с перспективы Варшавы. Если поглядеть со стороны Тихого океана, она почти незаметна. Доля участия России в торговле стран тихоокеанского региона составляет около одного процента. По-другому смотрят на Россию американцы, заинтересованные в сохранении ее стабильности с геостратегической точки зрения. По их мнению, самой большой угрозой в будущем станет Китай, а Россия — единственная страна, которая может сыграть роль противовеса, в том числе и исламу. Поляки этого не понимают и упрекают американцев в наивности, а те просто преследуют свои интересы.

•

После 11 сентября в мире начала меняться расстановка сил, так как были нарушены устоявшиеся принципы распределения энергии. Прежде главным потребителем топлива были США и прочие западные страны, а поставщиком — исламский арабский мир. Конфликт нарушил работу этого механизма. Как бы вышла из положения Америка, если бы завтра Бен Ладен победил, например, на выборах в Саудовской Аравии? Ситуация драматичная: американская цивилизация без саудовской нефти может функционировать не больше недели.

Поэтому американцы начинают искать альтернативные источники энергии в сфере российского влияния: в Средней Азии, Афганистане, вокруг Каспийского моря. Безопасное функционирование США в дальнейшем может зависеть от России, и это отчетливо понимает Путин. Он видит, что сейчас появляется шанс восстановить международное значение России, пошатнувшееся после распада Советского Союза. В этой большой игре позиция Путина — ключевая для будущего Америки и всего мира. Именно поэтому американцы закрывают глаза на нарушение прав человека в Чечне.

•

Меня интересует прежде всего цивилизационный кризис, который переживает наш восточный сосед, та огромная черная дыра, которая осталась со времен сталинизма в поведении людей и в их образе мыслей. Одним словом, всё то, что можно определить кратко: человек и система.

В настоящее время много обсуждают так называемый конец истории. Говорят, что окончание идеологической конфронтации между великими государствами Востока и Запада, поражение коммунизма — это в то же время и конец истории. Для меня, репортера и историка по образованию, это конец лишь части истории. По моему мнению, история, связанная с ростом национального и националистического самосознания, только начинается. Мне не дает покоя вопрос: какое новое столкновение придет на смену идеологическому конфликту, закончившемуся полным поражением коммунизма?

•

1989–1991 годы принесли коренные изменения, однако завершение конфликта Восток — Запад ошибочно признано глобальной и окончательной победой либеральной демократии. В 1990-е годы начался «десятилетний период отдыха от истории», который проходил в развлечениях, в обогащении и потреблении, но внезапно закончился 11 сентября 2001 года.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• „«Благодаря «круглому столу» в мире исчезли все великие разделения: границы, блоки, противостояние», — говорил вчера Лех Валенса. На конференцию, посвященную 20-летию «круглого стола», прибыли представители властей того времени — Александр Квасневский и проф. Януш Рейковский, деятели оппозиции — Тадеуш Мазовецкий, Александр Халль и Гражина Станишевская, а также представитель католической Церкви архиепископ Тадеуш Гоцловский. Мазовецкий напомнил, как Квасневский в перерыве между заседаниями говорил: «Я знал, как получить власть, а теперь знаю, как ее отдать». «Я и понятия не имел, что это будет так трудно», — добавил Квасневский”. («Газета wyborcza», 1 апр.)

• „Люди, которые в 1989 г. относились друг к другу с подозрительностью, сегодня о многих вещах судят похоже. Все сошлись во мнении, что и «Солидарность», и компартия чувствовали себя в 1989 г. сильно ослабленными и это склоняло их к поиску компромисса. «В моем регионе, в Подбескидье, «Солидарность» угасала», — вспоминала Станишевская. «Власть чувствовала свою беспомощность перед лицом экономической и политической ситуации», — дополнил образ проф. Рейковский. Обе стороны согласились и в том, что ни у кого не было достаточно воображения, чтобы прогнозировать развитие событий. Профсоюзная сторона была заинтересована главным образом в легализации «Солидарности». Участие в выборах она рассматривала как неприятную и нежелательную уступку (...) Однако проф. Анджей Пачковский обнаружил неизвестное высказывание генерала Войцеха Ярузельского на одном из заседаний ЦК ПОРП в конце 80-х. «Они погубят коммунизм и социализм», — предостерегал генерал”. (Ярослав Залесинский, «Польска», 1 апр.)

• „В понедельник вечером на 85 м году жизни скончался бывший маршал Сената проф. Анджей Стельмаховский (...) В общественном сознании Стельмаховский — легенда времен «круглого стола» (...) Ему доверяли как «Солидарность», так и партийная сторона, которая рассматривала его, председателя Клуба католической интеллигенции, как легального представителя нелегальной оппозиции. Благодаря этому ему

удалось добиться встречи Леха Валенсы с генералом Чеславом Кищак 31 августа 1988 года. Сегодня эта встреча рассматривается как первый сигнал оттепели, приведшей к падению коммунизма”. (Агатон Росинский, «Польша», 8 апр.)

• „Вчера вступил в действие закон, лишаящий пенсионных привилегий сотрудников спецслужб 1944–1990 годов. Согласно этому закону, генералы Войцех Ярузельский и Чеслав Кищак вместо нынешних 7,5 тыс. злотых будут получать 2,5 тысячи. Пенсии будут уменьшены в январе 2010 года”. («Жечпосполита», 17 марта)

• „«День вступления Польши в НАТО стал для нашей страны второй после 1989 г. переломной датой и завершил период раздела Европы на два лагеря», — сказал президент Лех Качинский на торжественном обеде по случаю 10 й годовщины нашего членства в Североатлантическом союзе”. («Жечпосполита», 13 марта)

• Проф. Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: „Рядом с Лехом Валенсой в его «героический» период были Бронислав Геремек, Адам Михник, Тадеуш Мазовецкий... Неплохо бы задуматься и о том, где были бы мы сегодня без плана Бальцеровича. Роль выдающихся специалистов, экспертов, ученых может быть огромной (...) Таковы были годы «контрактного» Сейма, который (...) смог в невероятно короткий срок провести наиболее важные трансформационные реформы (...) Но это был и единственный в своем роде «фестиваль экспертов и ученых», которые сообща включились в строительство новой системы. Они не просто присутствовали — к их мнению прислушивались политики. То был сравнительно короткий период, и уже вскоре идеология и текущие партийные интересы одержали победу, полностью подчинив себе общественную дискуссию. Такое состояние продолжается по сей день”. («Ньюсуик-Польша», 29 марта)

• „Раздобыть книгу Павла Зызак «Лех Валенса. Идея и история» практически невозможно (...) Книга издана тиражом три тысячи экземпляров. Другая книга о бывшем президенте, изданная Институтом национальной памяти («Служба безопасности и Лех Валенса. Штрихи к биографии» Славомира Ценцкевича и Петра Гонтарчика), после нескольких дополнительных тиражей разошлась в прошлом году в 48 тысячах экземпляров”. («Жечпосполита», 3 апр.)

• Павел Зызак, автор изданной скандальной дипломной работы: „Моя задача как историка — открыть Леха Валенсу. Показать его таким, каков он в действительности. В 80 е годы был создан

миф Валенсы, который эффективно поддерживался и в Третьей Речи Посполитой. Этот миф сильно отличается от того, каков Валенса на самом деле (...) А он необычайно сложная фигура”. («Польска», 3 апр.)

• „«Перестаньте отравлять польскую общественную жизнь. Мы имеем дело с действиями, разрушающими великую национальную легенду, каковой является «Солидарность», августовский порыв [1980 г.] и Лех Валенса», — сказал вчера Дональд Туск (...) Последний эпизод — это книга сотрудника ИНП Павла Зызака, повторяющая обвинения в том, что Валенса — агент, и дополняющая их почерпнутой из анонимных источников бытовой информацией времен молодости бывшего президента”. («Газета wyborcza», 3 апр.)

• „«Многим может не понравиться мое решение, но мы не будем мстить», — сказал Туск, сообщив, что будет придерживаться принципа непрерывности полномочий чиновников, назначенных предыдущим правительством. Такую же [как сейчас в отношении директора ИНП Януша Куртыки. — Ред.] позицию он занял в 2008 г. по отношению к главе Центрального антикоррупционного бюро Мариушу Каминскому. В то же время Туск обещал устранить политическую и идеологическую составляющую в деятельности коллегии ИНП (...) которая осуществляет надзор за работой института, отзывает директора и рекомендует его преемника. В настоящий момент она состоит из 11 членов, избранных в 2006 г. коалицией «Право и справедливость» (Пис) — «Самооборона» — «Лига польских семей» и назначенных президентом Лехом Качинским. Их срок полномочий заканчивается в 2013 году. В коллегии заседают исключительно приверженцы Куртыки”. («Газета wyborcza», 6 апр.)

• Президент Лех Качинский вручил вчера кресты ордена Возрождения Польши директору ИНП Янушу Куртыке и Петру Гонтарчику, а также девяти другим сотрудникам ИНП. Еще 11 человек получили кресты ордена «За заслуги». («Газета wyborcza», 8 апр.)

• Проф. Марек Сафьян: „В сорокамиллионном обществе по необходимости должны существовать сумасшествие, глупость, невежество, недобросовестность и зависть (...) Не кажется ли вам, что всенародное обсуждение смутных гипотез и необоснованных выводов сводит наше сознание до уровня вымысла и тиражируемого абсурда?” («Ньюсуик-Польша», 13 апр.)

- Проф. Анна Вольф-Повенская: „На вопрос, заданный в десятую годовщину демократического перелома 4 июня 1989 г. [выборов в «контрактный» Сейм — Ред.]: «Надо ли бояться победы?» — Бронислав Геремек ответил: «Победу нужно использовать по назначению (...) Необходимо не страх, а ответственность». Было бы хорошо, если бы размышления об этом сопутствовали общественной дискуссии в год юбилея”. («Газета wyborcza», 21-22 марта)

- „Польская экономика пострадает от кризиса меньше, чем экономика других стран нашего региона Европы. Согласно опубликованному вчера рейтингу агентства «Fitch», сильнее всего (на 5%) снизятся показатели экономики Болгарии и Венгрии. ВВП всего региона упадет на 3%. На этом фоне Польша с ее прогнозируемым ростом на уровне... 0% выглядит просто отлично. Агентство сохранило в силе наш рейтинг А, который означает, что наша экономика стабильна». («Дзенник», 2 апр.)

- „По оценке исследовательской компании «Economist Intelligence Unit» (...) Польша может рассчитывать на рост в темпе 0,7%. По сравнению с другими европейскими странами и Америкой это прекрасный результат. Он дает нам шестое место среди мировых экономик. Страны, чья экономика будет расти в таком темпе, можно сосчитать на пальцах (...) Через год рост польского ВВП заметно ускорится. Журнал «Экономист» подсчитал, что 2010 год мы закончим с ростом на уровне 2,2%”. («Жечпосполита», 30 марта)

- „«У вашей страны множество преимуществ. Мы начинаем инвестировать в акции польских фирм, — говорит Роберт Паркер, замдиректора отдела управления активами банка «Crédit Suisse» (...) — У вас сильный банковский сектор, опирающийся в основном на собственные сбережения, нет токсичных активов, а соотношение государственного долга и ВВП ниже западноевропейского уровня, в процентном выражении оно сравнимо с аналогичным параметром в Великобритании и Голландии», — утверждает Паркер. По его мнению, проблемой могут быть ипотечные кредиты во франках, но Польше не грозит болгарский или румынский сценарий, предполагающий возможность нескольких лет застоя. Зато дальнейшие перспективы развития будут благоприятствовать притоку капитала. «Crédit Suisse» сообщил, что во втором квартале он входит на рынок польских акций”. («Газета wyborcza», 24 марта)

- „Всемирный банк снижает прогнозы для польской и мировой экономик. В связи с ухудшающейся ситуацией специалисты ВБ скорректировали свои прогнозы от ноября 2008 г. в сторону

понижения. По их мнению, глобальный экономический рост составит в этом году только 1,7% (...) Прогноз для Польши лучше, чем средняя для восходящих рынков. Рост ВВП в Польше в 2009 г. должен составить 0,5% (в прошлом году он составил 4,8%). В 2010 г. динамика нашего ВВП должна вырасти до 2,8%". («Дзенник», 1 апр.)

- „Экономисты не сомневаются — Польша уходит в отрыв от стран, стоящих на грани катастрофы. «По мнению инвесторов, мы начинаем выгодно отличаться на фоне нашего региона», — признаёт Станислав Гомулка, бывший замминистра финансов. Ему вторит Рышард Петру, экономист Главной торговой школы. «Наш регион разделился на три группы: относительно стабильную Польшу, Словакию, Словению и Чехию; сильно расшатанную Венгрию и близкую к банкротству Украину», — говорит Петру". («Дзенник», 24 мая)

- „Аналитический центр «Лиссабонский совет» второй год подряд признаёт польскую экономику самой конкурентоспособной в ЕС после финской". («Впрост», 22 марта)

- „Министерство финансов сообщило, что в 2008 г. Польша соответствовала маастрихтским фискальным критериям. Дефицит сектора государственных финансов составил 2,7% ВВП, а долг — 45,9% ВВП". («Дзенник», 21-22 марта)

- „О зажиточности общества свидетельствует ВВП в пересчете на душу населения с учетом покупательной способности (то есть принимая во внимание разницу цен). В 2008 г. по этому показателю Польша занимала третье место с конца, опережая Болгарию и Румынию, которые вступили в ЕС в 2007 году (...) В этом году наш ВВП на душу населения увеличится до 14,3 тыс. евро, благодаря чему, по оценкам Брюсселя, нам удастся опередить Латвию (падение до 13,5 тыс. евро). Уменьшим мы и отрыв по зажиточности между нами и Литвой, Эстонией и Венгрией. Но до лидера, Люксембурга (69,7 тыс. евро), или хотя бы до Чехии (22,7 тыс. евро) нам всё еще далеко (...) У нас рост не базировался исключительно на потреблении. Помимо этого у нас есть в меру уравновешенная внешняя торговля, а также стабильный курс золотого, что смягчает толчки. Польша развивается медленно, но безопасно". («Жечпосполита», 23 марта).

- „Т.н. экологический след измеряется поверхностью суши и морей, необходимой, чтобы произвести используемые в настоящий момент ресурсы и переработать создаваемое загрязнение окружающей среды (...) Африканцу для этого

нужно 1,4 га, а среднестатистическому поляку — 4 га. На сайте wwf.pl есть калькулятор, при помощи которого каждый может рассчитать свой след (...) За первые две недели калькулятором Всемирного фонда дикой природы воспользовались 25 тыс. пользователей Интернета (...) «Польские потребители демонстрируют крайний индивидуализм. Мы ориентируемся на американские фильмы. Если показываемые в них Каррингтоны начнут жить без автомобиля и сортировать мусор, может, поляки и начнут им подражать», — говорит социолог Павел Вуйчик из исследовательского института «4P Research Mix». (Павел Врабец, Цезарий Кованда, «Политика», 4 апр.)

- „Проблема полноты или лишнего веса коснулась уже каждого второго жителя нашей страны: 60% мужчин и половины женщин (...) 13% детей весят больше, чем нужно. Более того, лишь каждый третий поляк занимается каким-либо спортом, кроме обязательной физкультуры в школе”. («Дзенник», 25 марта)

- „По данным ЦИОМа, более 16% польских семей живут в бедности. Несколько меньше доля живущих в достатке, а каждую 17 ю семью можно назвать состоятельной (...) «В последние годы уровень жизни и удовлетворенность им заметно росли, — говорит проф. Кшиштоф Загурский. — Исследования показали, что улучшилась ситуация не только обеспеченных, но и самых бедных людей, а это свидетельство развития”. («Жечпосполита», 17 марта)

- „Несмотря на кризис, поляки не экономят. Более половины из нас не располагают отложенными деньгами. Кроме того, мы не любим банков. Почти треть из нас не имеет самого простого расчетного счета в банке — таковы результаты последнего исследования «Money Track» 2009 г., проведенного исследовательским домом «Мэйсон», Центром им. Адама Смита и «ММТ Management» (...) Одной из причин незаинтересованности поляков экономией авторы отчета считают низкое экономическое сознание общества (...) В то время как 90% граждан ЕС активно пользуются услугами банков, почти 32% поляков не имеют банковского счета”. (Магдалена А. Ольчак, «Польша», 19 марта)

- „О том, что поляки боятся безработицы, свидетельствует отсутствовавшее много лет явление — рост числа членов профсоюзов. С начала 2009 г. в профсоюзы вступило около 10–15 тысяч новых членов: таким образом работники пытаются усложнить работодателям увольнение (...) С невиданной ранее силой разгорелась война продовольственных магазинов за

клиента под лозунгом «кто продаст дешевле» (...) Точкой отсчета стали самые дешевые в стране т.н. дисконты (...) Как подсчитала аналитическая фирма «Roland Berger», если кризис продлится два года, стоимость годовой продажи в польских дисконтах достигнет 20 млрд. злотых — на 6 млрд. больше, чем в «нормальном» 2007 году. Возрождение переживают и базары». (Томаш Мольга, Тамара Сийка, «Впрост», 22 марта)

- „По данным исследовательского института «4P Research Mix», каждый третий поляк, отправляясь в магазин, стремится сделать покупки как можно дешевле (...) Но на фоне других европейских обществ поляки и так выглядят оптимистами. Исследования фирмы «Nelsen» показали, что рецессию замечают 37% поляков, а среди португальцев, французов или испанцев этот показатель составляет 90%”. («Жечпосполита», 17 марта)

- „«До эскалации кризиса портфель кредитов физическим лицам рос, с учетом изменений курса злотого, на 7 млн. злотых в месяц. В настоящий момент рост составляет неполных 1,5 млрд. злотых», — говорит директор департамента анализа Промышленно-торгового банка (БРН) (...) Вклады домашних хозяйств выросли в феврале на 7,2 млрд. злотых (в январе отмечен рост на 10 млрд. злотых). Отношение кредитов к вкладам составило 114% против 115% месяц назад. Объем средств, которые держат в банках фирмы, уменьшился в феврале до 142,37 млрд. злотых со 144,75 млрд. злотых в январе”. («Жечпосполита», 14-15 марта)

- „Процентные ставки достигли самого низкого в истории уровня. Вчера Совет монетарной политики снизил их на 0,25% — до 3,75%. Это хорошая новость для тех, кто хочет взять кредит, потому что снижение ставок может повлиять на снижение оплат по кредитам. Кроме того, вчера инвесторы начали покупать на варшавской бирже. Индекс крупнейших компаний WIG20 вырос на 5%”. («Дзенник», 26 марта)

- „Министерство финансов оценило вчера инфляцию на уровне 3,5% в год. По сравнению с февралем рост цен составил 0,5% (...) Польский национальный банк (ПНБ) определил инфляционную цель в 2,5%”. («Дзенник», 2 апр.)

- „На 2008 г. самоуправления городов, гмин, поветов и воеводств запланировали 13,6 млрд. дефицита. В действительности к концу декабря он едва достиг 1,6 миллиарда. Об этом свидетельствуют предварительные расчеты министерства финансов (...) Инвестиции органов местного самоуправления с 2001 г. составили уже 152 млрд.

злотых (почти 100 млрд. зл. только за последние четыре года). Обычно каждый пятый потраченный злотый самоуправления используют на инвестиции. Органы местного самоуправления не только останутся крупнейшим инвестором в Польше, но и намереваются привлечь других инвесторов”. (Катажина Островская, «Жечпосполита», 19 марта)

• „По данным Института экономики сельского и пищевого хозяйства, после вступления Польши в ЕС доходы крестьян удвоились (...) После вступления в Евросоюз помощь крестьянам выросла с 0,8 до более чем 9 млрд. зл. в год (...) Европейская сельскохозяйственная политика не слишком повлияла на объем производства польских крестьянских хозяйств, не стабилизировала цен на сельскохозяйственное сырье, не изменила существенно образом доходов от сельхозпроизводства, и даже наоборот — производство молока и свинины стало менее окупаемым, чем до вступления в ЕС. Лишь на говядину и сахар ЕС гарантировал более высокие цены. Зато хозяйства выигрывают от щедрых дотаций, которые выплачивает им Брюссель. После вступления в ЕС годовой доход польского крестьянского хозяйства вырос в целом с 9,1 до 21 млрд. злотых (...) Группа польских крестьян увеличивается — следовательно, сложнее улучшить их экономическое положение. В то же время Еврокомиссия ожидает, что деньги, вкладываемые в польскую деревню, принесут эффекты в виде более высокого уровня производства и производительности труда”. (Магдалена Козмана, «Жечпосполита», 31 марта)

• „В настоящее время в Польше вакантны рабочие места для 33 тыс. человек (...) К этому следует добавить места, созданные иностранными инвестициями (...) Благодаря уже завершенным проектам в этом году работу найдут более 15 тыс. человек. Еще 77 проектов должны обеспечить очередные 20–25 тыс. рабочих мест (...) В январе на бирже труда зарегистрировались более 160 тыс. новых безработных. По подсчетам министерства труда, в феврале их прибудет почти наполовину меньше — 84,6 тысячи”. («Газета wyborча», 17 марта)

• „Показатель занятости (противоположность показателя безработицы) в Польше растет быстрее всего в ЕС, утверждает «Евростат». В четвертом квартале он вырос на 3% по сравнению с прошлым годом”. («Впрост», 29 марта)

• „Мы рекордсмены Европы по числу больничных. Из отчета занимающейся кадровым консалтингом фирмы «Седляк и Седляк» следует, что в прошлом году средний поляк не работал на основании справки от врача 23 дня. В странах Европы этот

показатель составляет в среднем три дня”. («Польска», 19 марта)

- „Главное статистическое управление (ГСУ) сообщило в пятницу, что финансовое положение польских фирм ухудшилось. В прошлом году предприятия численностью более 50 человек заработали 79,9 млрд. злотых. После уплаты налогов в их кассе осталось 63 миллиарда. Это на 27% меньше, чем годом раньше”. («Дзенник», 21-22 марта)

- „По данным ГСУ, в январе польский экспорт сократился по сравнению с январем 2008 г. более чем на 26%. Но если считать в злотых, то благодаря слабой польской валюте экспорт сократился в меньшей степени — на 16 с небольшим процентов. Польский экспорт в злотых упал во все десять стран, считающихся крупнейшими торговыми партнерами Польши. Сильнее всего, более чем на 30%, упал экспорт в Россию, почти на 25% — в Венгрию. Германия, которая получает 27% нашей продукции, продаваемой за границу, в январе купила на 13,3% меньше польских товаров (...) Польский импорт достигал в январе 7,7 млрд. евро (...) В злотых он упал на 18,2%. Среди десяти стран, из которых Польша импортирует больше всего, только США и КНР увеличили количество высланных в Польшу товаров. США — на 29,2%”. («Газета wyborcza», 17 марта)

- „Уже более 700 работников воспользовались предложением руководства концерна «Арселор Миттал»: взяли высокие выходные пособия и добровольно уволились с работы. По данным ГфК «Полония», их примеру охотно последовали бы больше половины поляков (56%). 99 тыс. злотых до отчисления налогов — такую сумму предложило правление концерна, владеющего в Польше шестью литейными заводами, каждому, кто уволится до конца января (...) Больше половины поляков, работающих в штате (51%), подумали бы в подобном случае о создании собственной фирмы”. («Жечпосполита», 24 марта)

- „Более половины поляков согласились бы уйти с работы, если бы им заплатили 100 тысяч выходного пособия. 38% из них создали бы собственную фирму. Это много? Анджей Садовский, основатель и вице-президент Центра им. Адама Смита: «Это высокая доля. Опрос подтверждает выводы Еврокомиссии 2004 года, что мы наиболее предприимчивый народ в ЕС. Он показывает также большую усталость от работы в корпорациях, не требующей особенных творческих усилий»”. («Жечпосполита», 24 марта)

- „В феврале объем розничной торговли был меньше, чем год назад. Так случилось впервые за последние четыре года. По данным ГСУ, объем проданной продукции оказался меньше на 2,4%, если считать в постоянных ценах, и на 1,6% в текущих ценах. Мы покупали меньше продуктов питания, напитков и табачных изделий, хотя в этой области падение в постоянных ценах было небольшим (2,2%) — по сравнению со спросом на горючее (13%) и автомобили, мотоциклы и запчасти (8,1%) (...) В феврале безработица составляла 10,9%. В течение месяца в центрах занятости зарегистрировалось около 238 тыс. человек, а с учета было снято около 154 тыс. человек. 249 предприятий заявили об увольнении 19,1 тыс. сотрудников”. («Жечпосполита», 25 марта)

- „Согласно опросу ЦИМО, мы прекрасно знаем отечественные продукты. 77% поляков могут назвать также по крайней мере один продукт, который можно рекомендовать за границей. Однако лишь 5% покупателей сознательно выбирают польские продукты (...) Польский ВВП на 60% зависит от внутреннего потребления, поэтому покупательские решения оказывают огромное влияние на состояние польской экономики”. (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 21–22 марта)

- „Промышленное производство упало на 14,3% по сравнению с прошлым годом. По сравнению с минувшим месяцем оно выросло на 2,7%. За год цены проданной продукции выросли на 5,4%”. («Впрост», 29 марта)

- „Согласно отчету страховой компании «Euler Hermes», в первом квартале 2009 г. банкротство объявили 105 предприятий. Это на 11% больше, чем за тот же период прошлого года (...) «Большинство предприятий создавалось в период экономического процветания. Они не смогли выжить в трудных условиях», — объясняет Анджей Садовский из Центра им. Адама Смита”. («Жечпосполита», 6 апр.)

- „Продажа антидепрессантов быстро растет (...) По данным фирмы «IMS Health», в прошлом году с фармацевтических оптовых складов в аптеки поступило более 13 млн. упаковок антидепрессантов, выдаваемых по рецепту. Если ориентировочно принять, что один пациент за один месячный курс принимает в среднем одну пачку лекарств, то это может означать, что такого рода средства принимает у нас более миллиона человек. Для сравнения: диабетом страдают 2 млн. поляков (...) Если в 2001 г. было продано более 10 млн. упаковок антидепрессантов, то четыре года спустя — уже почти на два миллиона больше”. («Жечпосполита», 31 марта)

- „Согласно последнему исследованию конъюнктуры, проведенному Институтом экономического развития Главной торговой школы, в марте предприятия получили больше заказов в стране и за границей”. («Жечпосполита», 6 апр.)

- „Польский бизнес уходит из России. В Калининграде польские фирмы инвестировали вдвое больше капитала, чем в Москве, и в восемь раз больше, чем в Санкт-Петербурге. Их было полтысячи. Сегодня осталось полтора десятка”. («Жечпосполита», 31 марта)

- „Кризис бьет по торговле польскими продовольственными товарами на восточном рынке. Сильнее всего сокращаются поставки на Украину. В октябре 2008 г. наши фирмы продали туда продовольственных товаров на 48,5 млн. злотых, а в январе эта цифра снизилась на 47% (...) Меньше продовольствия покупает в Польше и Россия: экспорт сократился с более чем 56 млн. евро в октябре прошлого года до 36 млн. евро в январе этого. Причина сокращения такая же, как на Украине”. («Дзенник», 30 марта)

- „Польша и Россия пришли, наконец, к соглашению по вопросу лимитов на перевозку товаров. В конечном итоге польские перевозчики получают 190 тыс. транспортных разрешений — столько же, сколько в прошлом году. 160 тысяч должны касаться перевозок из Польши в Россию и транзита через Россию, а 30 тысяч — перевозок из третьих стран и в третьи страны”. («Дзенник», 12 марта)

- „Москва требует, чтобы «Газпром» получил возможность устанавливать цены за прокачку газа по Ямальскому газопроводу [проходящему через польскую территорию] без учета польских правил (...) К тому же «Газпром» платит [за пользование польским отрезком газопровода] по более низким ставкам, чем утвержденные Управлением по делам регуляции энергетики. Процесс по этому делу «Газпром» проиграл в Московском международном арбитражном суде. В декабре прошлого года суд обязал российский концерн заплатить «ЕвроПолГазу» более 20 млн. долларов задолженности по счетам за транзит газа в 2006 году. (...) «Газпром» опротестовал решение московского суда. Следующее заседание пройдет 22 июня”. (Анджей Кублик, «Газета выборча», 13 марта)

- „Вчера польская делегация уезжала с саммита в Брюсселе довольная. ЕС потратит 5 млрд. евро на энергетические проекты, а также 600 млн. евро на «Восточное партнерство». Решение по вопросу энергетических инвестиций — это перелом: ЕС впервые профинансирует из своего бюджета

инвестиции, способствующие снятию зависимости стран-членов от России. Так что будут деньги не только на польские проекты (например, газопорт в Свиноустье), но и на газопровод «Набукко», который должен поставлять в Европу газ из Каспийского моря (...) Польше удалось убедить страны Евросоюза выделить 600 млн. евро на «Восточное партнерство», программу сотрудничества с восточными соседями ЕС, в частности Украиной и Белоруссией (...) Представители 27 государств согласились также, что одной из долгосрочных целей «Восточного партнерства» станет «полная либерализация» выдачи виз гражданам стран Восточной Европы. Особенно решением ЕС должна быть довольна Белоруссия». (Доминика Пщулковская, «Газета wyborcza», 21-22 марта)

- „Проект «Сканлед», благодаря которому Польша сможет импортировать норвежский газ через Данию, включен в список проектов, финансируемых ЕС. Это решение приняли главы государств на саммите в Брюсселе (...) На строительство газопровода будет предназначено 150 млн. евро (...) В инвестиции примет участие Польская нефтегазовая кампания (ПНГК, пай 15%), которая хочет транспортировать газ в Польшу через Данию. Запланировано строительство соединительного газопровода из Дании в окрестности Нехожа в Польше (...) Польша будет получать 2,5-3 млрд. кубометров газа в год”. («Жечпосполита», 23 марта)

- „10 млрд. злотых на газовые инвестиции Польши: 5 млрд. «Газ-Систем» потратит на строительство газопровода в Данию и газопорта в Свиноустье, еще 5 млрд. нужны на новые газопроводы в стране”. («Жечпосполита», 2 апр.)

- Пшемислав Виплет, генеральный директор Ягеллонского института: „Вследствие январского российско-украинского кризиса Польша потеряла 20% всего газа, в котором она нуждается в год. Руку помощи протянул нам «Газпром». Он предложил, чтобы мы вместо запланированных 7,5 млрд. кубометров сырья в год покупали 10 миллиардов. А после 2014 г. — еще больше. На самом деле принять такое предложение значит отказаться от всех планов диверсификации поставок газа, в т.ч. и от строительства газопорта и газопровода из Дании”. («Впрост», 12 апр.)

- „Премьер-министр России Владимир Путин посетит Польшу 1 сентября этого года, — сообщил его пресс-секретарь Дмитрий Песков (...) Визит был согласован во время телефонного разговора Путина с Дональдом Туском”. («Жечпосполита», 2 апр.)

- „Кого из мировых лидеров поляки опасаются более всего? Владимира Путина. Согласно опросу ГФК «Полония», опасения по отношению к премьер-министру России испытывают 56% респондентов. Мы опасаемся также председателя немецкого «Союза изгнанных» Эрику Штейнбах и президента Ирана Махмуда Ахмадинежада. Среди стран, которые наиболее угрожают польской безопасности, на первом месте Россия (58%). За ней следуют Иран, Белоруссия и Германия”. («Жечпосполита», 30 марта)

- „Ян Олдаковский, депутат от ПиС, вспоминает, что в 2001 г., когда в качестве начальника политического кабинета министра культуры он разговаривал с российским министром Михаилом Швыдким о возможности вести трансляцию на территорию России, чтобы охватить живущих там поляков, то услышал очень четкий ответ: «Только радио «Мария» может вести трансляцию на территории Российской Федерации, и это окончательное и бесповоротное решение, потому что его подписал сам Путин»”. («Дзенник», 11-13 апр.)

- „В Белостоке под почетным патронажем посла России в Польше Владимира Гринина прошли Дни русской культуры. Первая конференция касалась «Истории и сегодняшнего дня русского меньшинства в Польше». («Пшеглэнд православный», февраль)

- „В августе 2008 г. в Москве умер Феликс Александрович Кабаков, 1927 г.р., большой друг Польши и поляков, математик, многолетний преподаватель Московского педагогического института (...) Он самостоятельно выучил польский язык, чтобы читать польскую литературу в оригинале и через польские публикации приобщаться к мировой литературе. Его владение языком достигло такого совершенства, что даже поляки не узнавали в нём иностранца (...) В Москве дом Феликса и его жены Тани, тоже математика, стал местом, куда попадали поляки, приезжавшие в Москву и желавшие познакомиться — как говорили они сами — с «настоящей Россией»”. (Барбара Крыда, Рената и Анджей Гжегорчик, «Бунт молодых духом», январь-февраль)

- Проф. Станислав Финдейсен, бывший ректор Варшавского политехнического института, сенатор первого и второго созывов, лауреат премии «Пшеглэнда всходнего»: „В 1992 г., восстанавливая фонд им. Мяновского, мы осознали, что почти все мы пользовались возможностью выезжать за границу на различные стипендии. Мы подумали, что теперь нужно предоставить такую возможность нашим коллегам с востока и создать стипендиальную программу для ученых с Украины, из

России, Белоруссии и Литвы. Мы нашли спонсоров. Эта программа действует уже 15 лет. Мы присудили около 1400 стипендий, 85% из которых получили граждане Украины, Белоруссии и России (...) Нужно отделить отношения с Россией от отношений с русскими (...) Отношения с русскими были хорошими и во времена коммунизма (...) Отношения с Россией — это другой уровень (...) Единственное, что мы можем сделать, так это сотрудничать с российскими гражданами, особенно молодыми, рассчитывая, что в будущем именно они будут задавать тон в политике своей страны”.

(«Жечпосполита», 30 марта)

- „Вице-премьер Вальдемар Павляк посетил Минск (...) За последние шесть лет польские фирмы инвестировали в Белоруссии всего 200 млн. долларов”. («Пшеглэнд православный»)

- „VII съезд Союза поляков Белоруссии состоялся. Анжелика Борис вновь избрана председателем. На съезд в Гродно прибыли три четверти делегатов, хотя белорусские власти делали всё, чтобы усложнить их приезд. Заседания проходили без помех. Режим не вмешивался, опасаясь реакции ЕС. Именно сегодня должны обсуждаться санкции, наложенные ЕС на представителей высшей власти Белоруссии. Благодаря тому, что съезд СПБ не разогнали, санкции будут временно отменены еще на полгода”. («Жечпосполита», 16 марта)

- „Из 20,5 тыс. человек, которые в 2008 г. бежали из России, 6,6 тысячи попросили политического убежища в Польше. По данным ООН, это были в основном чеченцы и ингуши”.

(«Газета wyborча», 31 марта)

- „По данным Управления по делам иностранцев, в 20 польских лагерях беженцев живут 4,2 тыс. человек. Еще полторы тысячи живут вне лагерей. Подавляющее большинство из них — чеченцы. В 2008 г. статус беженца получили только 129 человек, а еще 1057 были охвачены т.н. дополнительной защитой: их нельзя депортировать, и в течение года они получают пособия (...) После получения статуса беженца иностранец еще два года участвует в т.н. индивидуальной интеграционной программе. Он обязан изучать польский язык, на что получает 100 злотых в месяц. На содержание он получает от 500 до 800 злотых в месяц, в зависимости от численности семьи. Многодетная семья получает несколько тысяч злотых. Если за этот год беженец не найдет работу, что, как правило, и происходит, он переходит на содержание органов местного самоуправления. Тут он может рассчитывать, так же, как и поляк, на временное

и целевое пособие. Всего 400–600 злотых”. (Ежи Данилевич, «Ньюсуик-Польша», 4 апр.)

- „Прокуратура предъявила обвинение в нарушении трудового законодательства владельцам крестьянского хозяйства в Велишеве (...) Они увеличивали рабочие часы и не платили зарплату группе украинских работниц, работавших в теплице. За неделю работы они получали от 50 до 100 злотых. Работали женщины больше десяти часов в день, без выходных. Хозяйева теплицы отобрали у них паспорта”. («Жечпосполита», 28–29 марта)

- „Солец-Куявский. Китайцы, работающие в пункте убоя кур «Дробекс», сыты по горло работой в Польше. Они жалуются на условия, в которых живут, а также на случаи побоев. Их судьбой занялись представители посольства КНР и местная полиция (...) «В одной покрытой плесенью комнате живут полтора десятка человек», — говорит консул Ган Хун». («Дзенник», 28 марта)

- Бельгийский суд отказывается выдать Польше Адама Г., польского гражданина, осужденного за разбой. Суд пришел к выводу, что в польской тюрьме ему грозит опасность, так как он цыган. Сам Адам Г. тоже не хочет отсиживать срок в Польше”. («Газета wyborcza», 8 апр.)

- „Польское телевидение подвергло цензуре сценарий очередной части сериала «Лондонцы». Директор 1 й программы ТВП велела исключить из сериала тему героини, которая родила чернокожего ребенка (...) По некоторым сведениям, она сказала, что зрители не любят польку с негритенком, а из-за этого снизится популярность сериала”. («Газета wyborcza», 8 апр.)

- Директор Польского телевидения не подпишет договор о совместном производстве фильма об Ирене Сендлер, которая во время войны спасла более 2,5 тыс. еврейских детей. Участие в финансировании фильма уже обещали Польский институт киноискусства и министерство культуры”. («Газета wyborcza», 9 и 10 апр.)

- Столетняя жительница Варшавы Янина Грабовская награждена командорским крестом ордена Возрождения Польши. Во время войны она помогла содержащейся в гетто семье Микельбергов. В 1943 г. она организовала побег Ирены Микельберг на «арийскую сторону». Спасенная из гетто девочка некоторое время скрывалась в доме Янины Грабовской. Награда присуждена по предложению Музея истории польских евреев. («Дзенник», 17 марта)

• „Насчитывающая почти 500 страниц «Коричневая книга» авторства Мартина Корнака перечисляет все раскрытые в 1987–2008 гг. акты насилия на религиозной и расовой почве, а также по отношению к лицам, исповедующим антифашистские или левые взгляды. Корнак упоминает о нападениях на иностранцев, актах антисемитизма и публичного разжигания ненависти по расовому признаку (...) «Коричневая книга» рассказывает также о публичных расистских выступлениях — в телевизионных и радиопрограммах, печатных изданиях и Интернете. Всего в ней собрано около 2,5 тыс. случаев разного масштаба. Книга заканчивается 2008 годом, когда имело место почти сто актов насилия расистского и ксенофобского характера (...) Книга подготовлена при поддержке «Collegium Civitas» и Фонда им. Стефана Батория». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 24 марта)

• „Уполномоченный по правам человека и генеральный инспектор по защите личных данных изучают распоряжение гданьской курии, обязывающее катехизаторов письменно информировать приходы о школьниках, которые не ходят на уроки Закона Божия. Приходские настоятели на основании этого создают специальные реестры. Курия это подтвердила (...) Катехизатор случайно рассказал ученикам о распоряжении курии, поступившем еще в 2004 году». (Илона Блихаж, «Дзенник», 21–22 марта)

• „«Нам в Кракове не пришла бы в голову такая идея. Я не представляю себе, чтобы мы могли ее подхватить», — говорит о. Тадеуш Панусь, профессор Папской богословской академии в Кракове, директор отдела пастырской работы с детьми и молодежью краковской курии». («Газета wyborcza», 24 марта)

• „Епископат ждет от правительства объяснений, почему в проекте нового закона о СМИ нет статьи об уважении к христианским ценностям (...) Вместо нее там оказалась статья, говорящая о противодействии дискриминации». («Дзенник», 30 марта)

• „Склонность к фундаментализму и предвзятости характерна не только для Церкви или ее политических представителей. В последнее время дают о себе знать фанатики научного мировоззрения, которые считают суевериями и требуют устранить из общественной жизни все убеждения, которых нельзя записать в виде решаемой системы уравнений. На этот раз они потребовали вычеркнуть гадание из списка легальных профессий». (Януш А. Майхерек, «Газета wyborcza», 16 марта)

- Согласно опросу «IBC Group & Homo Homini», проведенному по заказу министерства юстиции, 44% респондентов плохо оценивают действия органов правосудия. Противоположного мнения придерживаются 37%. 65% опрошенных уверены в пристрастности и зависимости судов и прокуратур. Прокурорам не доверяют 42,3%, судьям — 41%, судам — 40,9% опрошенных. В то же время 38,1% выражают доверие к полиции, а 38,2% — к юрисконсультам. («Жечпосполита», 23 и 24 марта; «Дзенник», 24 марта)
- „Согласно последнему опросу ЦИМО, 66% поляков отрицательно оценивают деятельность Леха Качинского. 65% критикуют работу правительства”. («Жечпосполита», 28-29 марта)
- „Согласно опросу ЦИОМа, работу Сейма критикует 71% респондентов, и только 19% хвалят работу депутатов. Что касается Сената, то его работой недовольны 55%, а 25% не имеют к ней претензий”. («Впрост», 15 марта)
- В своем мартовском опросе ЦИОМ проверил предпочтения поляков в случае выборов в Сейм и Европарламент. Преимущество «Гражданской платформы» (ГП) над Пис на выборах в Сейм — 50 к 24%. В случае европейских выборов оно растет — 51 к 22%. Союз демократических левых сил с 10% на выборах в Сейм поднимается до 13% на выборах в Европарламент. Однако явка на выборы будет, по всей видимости, очень низкой. Только 39% поляков собираются пойти на евровыборы. В случае парламентских выборов этот показатель достигнет 54%”. («Газета wyborcza», 1 апр.)
- „Бывший председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян стал судьей Европейского суда справедливости в Люксембурге”. («Впрост», 22 марта)
- Комиссар ЕС по вопросам окружающей среды Ставрос Димас: „Я очень горжусь тем, что нам удалось сделать вместе с людьми из Польши. Мы сберегли долину Роспуды, место уникальное в европейском и мировом масштабе. Можно поздравить и правительство, которое не только сделало всё, что было необходимо, но и сделало это грамотно”. («Газета wyborcza», 27 марта)
- „Объездная дорога вокруг Августова минует охраняемую долину Роспуды. Вице-премьер Гжегож Схетина заявил вчера в Августове, что дорога будет готова к 2013 году. Указанный им вариант проходит дальше всего от охраняемых программой «Природа-2000» торфяников Роспуды. Согласно

первоначальным планам, дорога должна была пересекать их в самом чувствительном месте. Это вызвало волну общественных протестов. Однако правительство Ярослава Качинского решило, что строительство будет продолжено. Тогда вмешалась Европейская комиссия, направив против Польши жалобу в Европейский суд справедливости. Строительство было приостановлено и польскими судами. Теперь Брюссель отзовет жалобу”. («Газета wyborча», 24 и 25 марта)

- „Нам понадобилось целых 17 лет, чтобы проложить маршрут всего-то 35 километровой трассы (...) Над маршрутом окружной дороги Августова и Сувалок долгие годы за большие деньги работали многочисленные польские проектировщики и несколько иностранных консорциумов. Эффект их работы сводится к тому же, что уже 30 лет назад придумали для повета планировщики из Сувалок”. (Станислав Куликовский, «Пшеглэнд», 5 апр.)

- Казимеж Орлось, писатель, сценарист и драматург: „Швейцарский фонд «New 7 Wonders» поместил недавно край Мазурских озер в список 261 самого красивого места на земле (...) Через самые живописные уголки Мазур (...) каждые сутки по-прежнему проезжают тысячи фур (...) Распространяется хаотическая дачная застройка (...) Вырубаются придорожные насаждения (...) Усиливается активность охотников (...) Животных всё меньше (...) Лесники относятся к мазурским лесам как к большим складам древесины (...) Да и может ли быть иначе, если очередные министры назначаются по партийному принципу, причем, как правило, всё это лесничество и охотники (...) Все или почти все «красивейшие места на Земле» из списка швейцарского фонда — это национальные парки. В Польше Мазурские озера до сих пор не находятся под специальной охраной”. («Жечпосполита», 19 марта)

- „Весной и летом в лесах Силезских Бескидов слышно рычание моторов квадроциклов и кроссовых мотоциклов, а зимой кошмаром силезской пуши становятся снежные скутеры (...) Шум такой сильный, что распугивает всех животных (...) Лесная охрана не может противостоять этой напасти. А ведь Силезские Бескиды могли бы стать идеальным пристанищем для многих видов охраняемых животных”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 1 апр.)

- „Образовательная кампания, которую проводит Бебжанский национальный парк, не принесла результатов (...) Число несчастных случаев не уменьшилось. В этом году их было даже больше: только в январе 12 наездов на лосей (...) Размещение

предупреждающих знаков ничего не дало (...) По мнению полиции, единственным спасением было бы соорудить вокруг шоссе защитные сетки, как это делается за границей (...) Однако денег на сетки нет (...) В ходе недавно закончившегося ежегодного пересчета на бебжанских болотах насчитано 700 лосей”. (Эмилия Вебер, «Дзенник», 18 марта)

• „В долине Барычи начинается акция «Лягушка»: до мая местные школьники будут переносить лягушек через проезжую часть (...) Вдоль тамошних дорог установлены специальные сетки, задерживающие животных на обочинах. Ученики местных школ собирают лягушек в ведра и переносят в безопасные места подальше от дорог. Лишь в прошлом году таким образом удалось спасти 2327 земноводных. Среди них — как скрупулезно подсчитали школьники — 1033 жерлянки, 460 чесночниц, 428 серых и 105 зеленых жаб, 211 зеленых и 14 бурых лягушек, а также 83 древесные квакши”. («Дзенник», 24 марта)

• „Пара сапсанов, живущая под шпилем Дворца культуры и науки, уже отложила яйца, из которых в конце апреля должны вылупиться птенцы (...) Вид гнезда доступен круглосуточно в Интернете под адресом www.webcam.peregrinus.pl/pkin-warszawa.htm (...) В Варшаве подготовлены шесть гнезд на крышах самых высоких домов — они ждут своих обитателей (...) Естественная популяция сапсанов вымерла в Польше в конце 1960 х. Двадцать лет спустя их стали искусственно разводить (...) В 2000 г. они впервые размножились в Варшаве самостоятельно”. («Дзенник», 27 марта)

• „Что произошло с треской, некогда самой многочисленной промысловой рыбой? (...) Где теперь такая обычная когда-то рыба, как минтай и финта? Почему в наши реки уже не заплывают массово лососи? Куда подевалась речная минога, которая еще в начале XX века была популярной закуской? Мы должны начать беспокоиться не тогда, когда в ближайшем лесу нет орлиного гнезда, а тогда, когда за окном становится меньше обычных воробьев” (Адам Вайрак, «Газета выбора», 17 марта)

• „Беловежский национальный парк получил согласие на отстрел сорока зубров, которые «по разным причинам непригодны для дальнейшего разведения» (...) Беловежское стадо зубров (...) насчитывает около 450 голов”. («Пшеглэнд православный», февраль)

• „Капитан Гжегож Каличак получил сегодня титул «Солдата года» (...) В 2004 г. он был командующим разведротой (...) Вместе со своими солдатами он защищал ратушу иракской

Карбалы во время самой крупной со времен II Мировой войны битвы с участием поляков. Полтора десятка дней они отбивали атаки повстанцев. Их погибли сотни, а из польских солдат ни один не был даже ранен”. («Газета выборча», 27 марта)

• Людвик Стомма: «Кому есть дело до заячьей падали? (...) А кому есть дело до человека, убитого где-то там, в небывалых странах и нереальных войнах? (...) Возможна ли новая Катастрофа?» Клод Ланцман: «В этом я горький пессимист. Зло в человеке столь глубоко, что, возможно, мы еще не достигли его дна...» («Политика», 4 апр.)

• „«Нашедшему собаку отдадим автомобиль» — такое объявление прочитали недавно в местной газете жители Лодзи. Тому, кто найдет и вернет Тину — взятую из приюта дворняжку нескольких месяцев от роду, — семья Козубалов предлагает «Фиат 126р»”. («Дзенник», 25 марта)

ПОЛЬСКИЕ РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Когда мы думаем о революциях, то обычно перед глазами у нас встают картины баррикад, уличных боев и свергнутого деспотизма. Но именно сейчас мы отмечаем 20-ю годовщину тихой, но, тем не менее, замечательной революции: заседания «круглого стола» в Варшаве послужили зачатком великого свободолюбивого порыва, который вызволил всю Восточную Европу от тоталитаризма.

То была революция в равной мере как сердца, так и ума, а осуществили ее руководители «Солидарности», крупнейшего профсоюза и общественного движения, на протяжении десяти лет выступавшего провозвестником близящейся свободы.

Мне, молодой женщине с Восточной Украины, трудно было поверить в те радостные, хотя и отрывочные сведения о «Солидарности» и ее борьбе, которые доходили до меня в ту пору. Когда «Солидарность» объявили вне закона и принудили уйти в подполье, свобода снова сделалась миражом, фата-морганой. Но — как давным-давно убеждала нас Надежда Мандельштам — наперекор и вопреки всякой надежде я надеялась, что эта мечта никогда не исчезнет.

И она выжила. Да и как ей было не выжить, коль скоро мечта о свободе жила в Польше испокон веков и никто ее не смог никогда подавить. Весной 1989 г. отважные активисты «Солидарности», мужчины и женщины, вышли из подполья и начали воплощать в реальность наши мечты о свободе. Их отвага состояла тогда не в сопротивлении танкам. А то, что и такой отваги им было не занимать, они уже продемонстрировали раньше. Но в 1989 г. их отвага заключалась в умном сопротивлении и интеллектуальной смелости, которые позволили им сесть за один стол с собственными палачами, взглянуть советской действительности в лицо и искать такие способы, которыми поляки сумеют выразить свое несокрушимое требование свободы, не прибегая к насилию.

Когда полякам позволили проголосовать, они почти единодушно высказались в пользу свободы. На смену коммунистическому политбюро быстро пришло

демократическое правительство. Путь к свободе был открыт. Другие страны Центральной Европы, а также балканские страны быстро пошли вслед за Польшей.

Менее чем через два года и мы, Украина, оказались на том же самом пути — ведущем к свободе и национальной независимости.

* * *

Чтобы свалить прогнившее дерево, хватит сильного ветра — новому дереву требуются годы, чтобы вырасти. Экономические и политические драмы, которые нам довелось испытать уже во времена нашей свободы, были неизбежными.

Даже если бы переход от коммунизма к демократии и плюрализму был идеально подготовлен — если бы наши абсолютно новые демократические власти без всякого промедления принимали сплошь одни только хорошие новые законы и если бы внешний мир щедро одарял нас капиталом, технологией и советниками, — то нам по-прежнему недоставало бы одной вещи. Мы, жертвы тоталитаризма, по-прежнему должны были бы вспоминать или заново усваивать образ мыслей, необходимый для управления плюралистической, демократической системой, — готовность к самостоятельному принятию решений, к тяжкому труду, к риску, к тому, чтобы не ждать указаний, исходящих от кого-либо из ЦК партии.

Таковы уроки, которые мы продолжает получать. Нынешний экономический кризис показывает, что наша демократическая позиция по-прежнему подвергается испытаниям. Несмотря на это, мы — те, кто начал бегство к свободе по образцу переговоров «круглого стола», — по-прежнему остаемся верными новому приключению. Мы не встали снова и не встанем у ворот тюрьмы.

Из всех разновидностей вреда, которые принесло тоталитарное правление, самой худшей была рана, нанесенная нашей свободной воле действовать. Эта рана не могла затянуться за один день, но мало-помалу она сейчас постепенно заживает.

Разумеется, рыночная экономика, которую мы пытались строить, тоже принесла с собой разочарования. Сегодня они столь же болезненны, как и в первые дни демократических перемен. Длительная благоприятная мировая конъюнктура должна была когда-нибудь закончиться — как и всякая конъюнктура. Последствия этого слома испытывают люди, не

несущие ответственности за сегодняшний кризис. Источники кредитов оказались наглухо закрытыми — даже для тех, кому требуется всего лишь небольшой глоток, чтобы обрести возможность двигаться дальше.

Но уроки «круглого стола» помогают нам и в этот час испытаний, когда мы должны посмотреть реальности прямо в глаза и действовать решительно — так, чтобы дорога к свободе осталась открытой.

Надеждой, которая меньше всего пострадала в течение 20 лет, прошедших с момента Круглого стола, является наша мечта о Европе. Многие из наших соседей вступили в Европейский Союз. А факт стремления его членов ко всё большему единству дает нам уверенность в том, что придет день, когда и мы, украинцы, станем частью этого благородного предприятия. Во всяком случае, лично я благодарна полякам за поддержку нашего дела в Европе.

* * *

Величайшим разочарованием последних 20 лет было несбывшееся ожидание, что мир станет более спокойным, более рациональным — что наступит конец истории. Мы исходили из предположения, что окончание холодной войны приведет к ликвидации самой важной причины международной напряженности. К сожалению, эта легкомысленная надежда не принимала во внимание той извечной и очевидной истины, что мир не состоит из одних лишь людей доброй воли. Слишком многие силы ищут случаев для деструктивных действий и господства. Свобода, обретенная за «круглым столом», и дорога в Европу, которая началась для стран Восточной Европы в результате этих переговоров, остаются наилучшим и даже единственным способом одолеть такие самые темные силы.

Мы все, как и герои варшавского «круглого стола», отдаем себе отчет в том, что нет никакого иного решения, кроме неустанной и упорной работы на благо демократии. В настоящий момент нам следует сесть за «круглые столы», чтобы восстановить мировую финансовую систему. Европа должна постоянно помнить, что сама по себе конституционная и институциональная сноровка не сможет гарантировать роста европейского сознания и удовлетворения желаний полного объединения. Нам необходимо ежедневно повторять ту великую и старую истину, которую несет освобождение 1989 г.: свободный обмен и открытые границы делают каждого богаче и свободнее.

Празднуя 20-ю годовщину восстановления свободы — той, что принес польский «круглый стол», — мы должны помнить о нравственных и этических ценностях польских переговоров. Помнить, что свойства человеческого характера не могут вести к ситуации, когда эмоции берут верх над разумом. Нам надлежит также помнить, что ожидание беспроblemного будущего сразу после того, как удастся решить некоторые из старых проблем, — это ошибка.

Круглый стол в замке Камелота исчез, так как видение короля Артура было слишком чистым, чтобы сохраниться и выжить в мире людей. Видение варшавских «рыцарей Круглого стола» останется жить, ибо руководители «Солидарности» знали, что мир таков, каков он есть, но все-таки, невзирая на это, отчетливо видели и путь, ведущий к свободе. А когда они вступили на этот путь, то уже никогда с него не свернули.

Польское лидерство — и теперь, и тогда — показывает, что холодная рассудительность и благоразумие, которые способствуют обеспечению долговременной свободы, — это самая благородная революция из всех возможных.

НА ТРАМВАЕ ДО ДЕТСКОГО ДОМА

— На восемнадцатом году жизни я пошла на курсы, сдала экзамены, стала вагоновожатым.

— *Много было женщин-вагоновожатых в Гданьске?*

— Немного, но были. Я умела крутиться, лаяться — дети из патологических семей со всем могут справиться. Я знала, что придется сражаться с матерью, придется сражаться со всем светом, чтобы ей помочь, да и себе тоже, потому что обстоятельства в доме бывали самыми крайними, когда возвращаешься, а за столом сидит вся ее компания. Иногда приходилось их попросту вышвыривать. Сестра шла в школу, я — на работу.

От отца, кроме ремня, ничего другого я не получала. Сегодня скажу, что меня это очень закалило, но я против битья детей и считаю, что должен быть полный запрет бить детей. Это только пробуждает агрессию — знаю это по себе. Я никогда у отца не просила прощения, потому что знала, что получаю за то, чего не делала. Получаю за то, что оказалась в неподходящем месите, за то, что у него что-либо не вышло. Сегодня, когда я слышу обо всех этих случаях жестоких избиений, у меня кровь вскипает. Не могу себе представить, что родитель может нанести ребенку такой вред, но меня били садовым шлангом — если вы вообще можете себе такое вообразить.

— *Дом был антикоммунистический?*

— Антикоммунистический безоговорочно, с самого начала. Когда отец, бывало, выпьет, открывал ночью окно и ругал «красных» последними словами. Ребенок такие вещи запоминает. Родитель, хоть бы и самый худший, — всё равно образец для ребенка. Кроме того в школе у меня была учительница, по фамилии Баранская, которая была потрясающая и очень твердая. Она нас учила истории, была потрясающе резкой и говорила правду.

— *Что говорила?*

— Ну обо всём, о Катыни говорила. Она была чудесный человек. Не говорила много в школе, потому что это было невозможно,

но приглашала нас к себе домой. Сегодня я отдаю себе отчет в том, что ее могли арестовать, сделать с ней что угодно.

— *То есть против партии у вас был иммунитет. А против профсоюзов?*

— Знаете, в то время человека хочешь не хочешь, а в профсоюз записывали.

— *Профсоюз как-то защищал трудящихся?*

— Ничуть. Существовал еще местком, с которым у меня были неприятности. Выглядело это так. Мои коллеги говорили: «Как будет собрание, я им всё выложу». Приходили на собрание, садились — и молчок. Ну и, конечно, эта Генька, как дурочка, по своему делу или по чужому вставала и выкладывала, и после этого что-то делалось. Бывало, у меня премию отбирали за эти перебранки, иногда отправляли на плохой маршрут. Во всяком случае было так, что мы не раз хотели бастовать. Не обязательно из-за зарплаты, главное — из-за жутких условий труда. Когда я начинала ездить, двери вагонов сами не закрывались — их закрывал пассажир. Послали меня на тройку, которая проезжала там, где теперь памятник рабочим судоверфи...

— *Там было кольцо?*

— Да. Трамвай туда доезжал, поворачивал и ехал обратно. Собирались судостроители, вышедшие после смены. Они висели на трамвае как виноград, поэтому ехать надо было очень медленно. Вагоновожатый сидел на таком круглом стульчике, от пассажиров его отделял только барьер. Если едешь медленно, тебя осыпают бранью. Если быстро, то глядишь, как бы кого не потерять — ты же за них отвечаешь. Когда трогаешься с остановки, то обязан ехать с закрытыми дверьми, а эти двери часто так выглядели, пантограф срывался... Если сильно был поврежден, то иногда и вся линия останавливалась. всяко бывало. Сыпались там разные курвы, кричали: «Ты что, картошку возишь?» И по голове двинуть могли.

— *Вы реагировали?*

— Ни у кого не оставалась в долгу.

— *Не сомневаюсь.*

— Притом вагоновожатому с пассажирами разговаривать не разрешалось.

— *Разумеется...*

— Зато могу вам сказать, что хуже всего было, когда эти двери действительно не закрывались. Мы доезжали и заявляли об этом, а начальник выходил и говорил: «А я что поделаю?» Один раз моя приятельница, у которой был маленький ребенок, заехала в трамвайный парк, потому что смена не явилась, и говорит: «Мне очень жаль, но я должна ехать домой и забрать ребенка из садика». Начальник вышел: «Лезь в трамвай и поезжай!» Она плачет. Я ему говорю: «Лезь сам в этот трамвай и поезжай!» А он отвечает: «Я не умею». — «Так вот ты — говорю — какой начальник!» Это были люди без образования — как и мы, впрочем. Это было возмутительно. Они ничем от нас не отличались, кроме того, что мы умели водить трамвай а они были начальством.

Пока не пришел 80-й год.

— *Почему как раз в 80-м это вышло? Было ли тут влияние Свободных профсоюзов?*

— Может, начну с того, что изменилось мое личное положение. Сестра вышла замуж, мне уже не надо было о ней беспокоиться, я была свободна. Уже не надрывалась, не ездила, так много, в несколько смен, ездила на 15-м маршруте. И всегда утром или пополудни, когда рабочие шли с верфи или на верфь, сверху сыпались листовки. Возле верфи есть виадук, внизу ездили электрички. Этими электричками люди с верфи ехали в Новый Порт, в Гданьск или Гдыню. И люди из Свободных профсоюзов ходили туда и, когда на этом мосту и под мостом было особенно много народу, разбрасывали листовки, и эти листовки попадали и ко мне. Чаше всего приносил пассажир, который взял две или три, я брала такую листовку и восхищалась. Мне и в голову не приходило, что можно указать свой номер телефона или полный адрес. Что можно быть таким отважным.

— *С кем вы познакомились благодаря этим листовкам.*

— Больше всего мне запомнился Богдан Борусевич^[1]. Но было гораздо больше имен. Сегодня я могла бы порыться в своих бумагах, эти листовки еще где-то у меня лежат. Ну и пришел момент, когда в Польше начало что-то происходить, и в нашем трамвайном управлении тоже. Помню собрание в клубе, в нашем парке, все мы шли на это собрание с большим энтузиазмом.

— *Кто созвал это собрание?*

— Начальство. Все уже были готовы к какому-то «бум-трах!». Уже мы всем этим были сыты по уши. Речь даже шла не о зарплатах. К зарплатам у нас не было никаких претензий — дело было в том, что трамваи все повреждены...

— *...в трудовых стандартах.*

— ...что мы получаем в лоб от пассажиров, что нас оскорбляют. Это было примерно в июле 1980-го. С какого-то времени мы чувствовали, что среди нас поселяется хаос. Наши графики строились совершенно бессмысленно. Мы начали соображать, что начальство хочет нас перессорить друг с другом. И мы уже снова собирались, когда наступил август, забастовка на судоверфи.

— *Как вы узнали, что началась забастовка?*

— Не знаю — может, когда вела трамвай, а может, днем раньше. Правда, не помню.

— *Но эту свою последнюю поездку, с которой на гданьском городском транспорте началась забастовка солидарности, вы помните?*

— Даже не помню точно, как выезжала из парка, и не помню, чт? я тогда думала. Помню только эти шесть остановок до оперного театра. Точно помню нервы и страх.

— *Вы запланировали остановить трамвай?*

— Не знаю — пожалуй, нет. Но уже знала, что что-то сделаю. Помню невероятный страх — если бы знала, что меня поставят к стенке и расстреляют, меньше боялась бы. Не знала, что скажут люди, когда я туда доеду.

— *Вы кому-нибудь раньше сказали, что собираетесь что-то сделать?*

— Никому не говорила. Это была великая неудержимость. Может, я хотела из себя сделать неведомо что, может, хотела, чтобы меня линчевали, — понятия не имею.

— *Вы едете к оперному театру. Следующие остановки...*

— Еду и думаю: Боже, стать — не стать, стать — не стать. Господи Боже, а если мне пиздюлей навешают? Вот это помню.

— *Почему вы выбрали оперный театр?*

— Потому что когда там трамваи станут, то стоят во всем Гданьске. Не проехать. Можно только поехать на десятке в порт, и всё.

— *Доезжаем до оперы и...*

— И, как старая дева, думаю: будет успех, не будет успеха. Думала, что будет, и остановилась возле оперы, посередине. Трамвай был полон народу, а я из него вышла.

— *В котором часу это было?*

— Народ ехал на работу, а в котором точно часу, не знаю. Стала и говорю: «Этот трамвай дальше не пойдет». Народ к этому привык, потому что то трамвай сойдет с рельсов, то еще что случится, двери не закрывались, так что мы высаживали людей.

— *Значит, вначале люди не знали, в чем дело?*

— Нет, откуда же. Я говорю: «Мы стоим, потому что верфь стоит. Надо поддержать забастовку верфи». Боялась, чт? случится, а люди принялись аплодировать. Это было невероятно. Я посреди плакала — этого было не видно, но я плакала. Подошел ко мне мужик, низкий, темный, и помню его слова: «Я из автобусного управления, меня зовут Здислав Кобылинский^[2] — мы тоже станем».

Конечно, забастовка! Выбираем комитет. Страшный хаос. Люди ищут друг друга, кто-то ищет себе места на ночь, потому что уже знают, что останутся. А кто-то говорит: «Я пойду домой. Я не бастую, меня это не интересует». Но таких было мало. Мы сами уговаривали людей с трудными семейными обстоятельствами идти домой. Ну и, конечно, отправляем нашего товарища на верфь, чтобы представил и передал наши требования, которые мы уже составили. С верфи он должен привезти нам сведения, чт? там делается. Ну и поехал наш товарищ, но долго не возвращается. А если верфь уже прекратила забастовку?

Садимся с кем-то в «жука» и едем. Приезжаем на верфь — ну и что? Ну и оказывается, что Валенса объявляет конец забастовки.

— *Тогда вы в первый раз видели Леха Валенсу?*

— Помню, я вскочила на аккумуляторную тележку, орала, кричала, как меня зовут и откуда я. Народ тогда уже выходил.

Примчалась Анна Валентинович^[3] и тоже начала кричать. Стоит около меня какой-то пожилой рабочий верфи, и вдруг мчится Валенса. Мчится Валенса, и тот человек говорит мне: «Это вождь забастовки». Ну я к нему. Сегодня из книг узнаю, чт? я тогда сказала. «Предательство! Если вы нас бросите, мы погибли! Верфь оставят в покое, но малые предприятия раздавят, как клопов! Не прерывайте забастовку, автобусы танков не победят!»

— *И как они реагируют?*

— Рядом с Валенсой маленький такой, низенький, я еще не знаю, кто это. Валенса поворачивается и говорит: «Богдан, что делать?» — «Ну знаешь, трудно сказать», — и: «Ну так бастуем».

Эта верфь дала мне больше, чем вся моя жизнь, потому что до этого никто мне ничего не дал. Я не могла сесть со своими родителями и всерьез поговорить о своих проблемах. Слушаю про Яцек Куроня, и этот человек становится для меня почти что богом. Потом он станет моим другом.

— *Он очень хорошо написал о вас в своих воспоминаниях.*

— Не потому что написал, а я его очень любила, правда. Яцек Куронь умел рассказывать, а я любила слушать. Вместе с Анджеем Гвяздой^[4] я отвечала за требование освободить политзаключенных. Для меня это было делом чести. Есть такой момент, запечатленный в фильме «Рабочие-80», когда Ягельский^[5] говорит: «Парафируем второй пункт», а я отвечаю: «Не согласна! Или сначала выйдут люди из тюрьмы, или ничего не будем парафировать. И речи нет, чтобы было иначе». Ну и он говорит с Валенсой, а Валенса говорит: «Ну так парафируем». А я говорю: «Христом Богом клянусь», — так говорю Валенсе и вот так показываю.

— *«Во тебе» показываете?*

— Ну да, и задокументировано, это не какая-нибудь выдумка.

— *Это записано и вошло в картину «Рабочие-80».*

— Мне это привезли киношники, потому что я долго не могла найти. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет, но после этого моего жеста на два дня продлилась забастовка, а то закончилась бы раньше.

— *Как это?*

— Им пришлось прервать переговоры, поехать и согласовать, можно ли выпустить политзаключенных. Поехали, не знаю куда, и согласовали.

— *Каким вы запомнили Валенсу в то время?*

— Валенса всегда был тяжелым человеком. Обижался, когда что-то ему было не на руку, и выходил. Потом возвращался, и надо его было обругать, чтобы он снова сел с нами. Тяжелый человек, что касается разговора.

— *Он превозносился над остальными? Чувствовал себя начальником?*

— Нет, это нет, все мы имели право говорить и все могли противостоять — в том числе и Валенсе. Почему Валенсу все объявили лидером? У него были два качества: качество вождя и качество человека, который умеет высказаться. С людьми он говорил мужицким языком, и все понимали, о чем идет речь. Если вышел бы Мазовецкий, Геремек или Вальдек Кучинский^[6], да или кто угодно, их бы не слушали. А Валенса выходил, говорил простыми словами, поднимал руки вверх, и это людей привлекало.

— *Вы стали профработником?*

— Меня делегировали в профсоюз. Снова была масса работы. Как учредительный комитет мы выезжали на разные предприятия. Объясняли, как учреждать профсоюзы. Объясняли, что и как, что это такое, рассказывали, как было на верфи. Не все знали, а ведь это было нечто невероятное. Никогда этого не забуду: приезжаю на предприятие, сажусь, все хотели ко мне притронуться, такая была эйфория. Здоровуюсь с людьми, наклоняюсь к председателю профсоюза и спрашиваю: «Ваш директор тоже здесь будет?» Он отвечает: «Пожалуй, да». Я говорю: «Он как — в порядке или кусок...» — ну, не буду употреблять нехороших слов. Ну и всё мероприятие начинается, люди задают вопросы, я отвечаю. Ввожу их во всю эту систему. В какой-то момент один человек поднимает руку и говорит этому председателю: «Директор, но как же это теперь будет?» Господи Боже, тип, которого я спрашивала, и был директор... Это меня научило придерживать язык. Прежде чем задать вопрос, подумай, с кем говоришь, что говоришь, как говоришь. Получила там урок осторожности.

— *И как выглядела ваша работа в эти месяцы после забастовки?*

— Мы действительно работой были завалены. К Валенсе приходила целая масса людей, а еще не было организованного бюро. Он не справлялся, потому что и журналисты приходили, и всякие другие. Он и говорит: «Забери от меня этих людей». Ну и у меня образовалась такая как бы ячейка помощи. Приходили люди с серьезными делами, но приходили и такие, что, например, коленка болит, врач понимать не хочет, а они утверждают, что вода в колене. За свой мандат я устроила нуждающимся 46 квартир. Не скажу, что это только моя заслуга. У нас был порядочный президент [мэр] города, он и чувства имел, и слово держал. Если скажет, что даст квартиру, то даст. Так моей коллеге по работе удалось устроить. Ей полагалось, как, может, никому другому. Во-первых, трое детей, притом один ребенок-инвалид. Во-вторых, хоть и работала, жила в крайней нужде. Жила за занавеской у моего дяди, душевнобольного. Когда она ко мне пришла, я ей говорю: «Стану на высоте задачи, постараюсь». И действительно она квартиру получила. И так еще как раз сложилось, что одна семья уезжала в Германию, увидели, в каком она положении, увидели этого ребенка и оставили ей половину своей мебели. И она из благодарности приходит ко мне в бюро и приносит две пачки кофе — я думала, что ее головой дверь выбью. «Возьми, — говорю, — этот кофе, продай, детям конфет купи или просто еды. И больше никаких разговоров». Мне и в голову не пришло бы что-то принимать. Но это были такие времена.

Однажды поздно вернулась домой, едва легла, а тут кто-то из всех сил колотит в дверь. И я, еще не придя в себя, открываю дверь, а соседка кричит: «Генька, война!» До конца жизни не забуду. Села на кровать, в ночной рубашке, и думаю: «Господи Боже, война». Включаю телевизор — не работает. Радио — не работает. Что творится? Война. Ничего не выключаю, жду, будет какое-нибудь сообщение или как. Смотрю, Ярузельский всё это представляет. Военное положение.

Куда идти? В транспортное управление? Там меня заберут. Была у меня коллега в деревне, тоже профсоюзница и была со мной на верфи, — может, к ней? Жду. В тот день не пришли, пришли на следующий. Меня не тронули, никто даже пальцем не ударил. Ничего в этот день не случилось. Прошли, посмотрели шкафчики, собрались и пошли. Как если бы ко мне пришла знакомая и хотела поглядеть по углам. Потом были обыски, допросы, высыпали сахар, крупу, всё, что там у меня было. Осталась без гроша, когда объявили это военное положение. Отец моей коллеги Малгоси на бойне работал — она мне приносила то кусок какой-то кровяной колбасы, иногда ливерной. Когда первый раз пришла, сказала: «Я тебе что-то

принесла, дай кусок хлеба». А я говорю, что еще не купила. Она говорит: «Дай мне на хлеб, пойду и принесу тебе». В конце концов пришлось признаться, что и денег нету. Тогда она пошла и купила полкило хлеба.

— *И контактов ни с кем не было?*

— Не было. Только потом ввели меня в весь этот круговорот. Использовали, что я беременна, так что могла договариваться, переносить кипы бумаги, денатурат, тушь и тому подобное. Я знала, где типографии. Мы работали со Стефеком Левандовским^[7]. Тоже подписал августовские соглашения. И была такая история с вальком для множительного аппарата. Кто-то у меня его оставил, и я его положила в диван. Выглядит как скалка для теста, только на подшипниках. Лежит себе и лежит. Тут ко мне являются — опять обыск: досмотр — это прошлись и пошли, а как обыск — всё вверх дном, все тряпки из комода. В кухне всё кувыркком, сумка с сахаром летит в комнату. Квартира у меня однокомнатная: маленькая комната, малюсенькая кухня. Бегают, с ума сходят. Один из них открывает диван, заглядывает: «Это что?» — «Скалка». — «Что за скалка?» — «Для теста». Он берет его в руки: «На подшипниках?» — «Да, мне муж такой сделал». У меня на руках от страха гусиная кожа. А он кладет валёк, закрывает диван, и они выходят. А я жила на лестничной клетке, откуда низом, через подвал, можно было пройти из подъезда в подъезд. Приходит ко мне товарищ и говорит: «Геня, а ты знаешь, что их машина внизу стоит?» А я говорю: «Знаю. А ты знаешь, чт? у меня тут — валёк для печати». И он от меня вышел с этим вальком. Не прошло и 15 минут — возвращаются. Первое, что делают, — открывают диван: «А где скалка?» — «Какая скалка?» — «Для теста». Иду на кухню, беру скалку для теста: «Пожалуйста». Ну и тут мне врезали, да так врезали, что и не описать. А потом оставили.

— *Побили и дома оставили?*

— Оставили и пошли. У меня был выкидыш.

Через неделю-две приехали ко мне, положили на стол бумагу и велят подписать. Я говорю: ничего подписывать не буду. У меня было два отличных учителя, одним был Яцек Куронь. Он всегда говорил: «Когда напишут, что ты должна что-то взять, не подписывай. Когда напишут, что ты должна что-то дать, не подписывай. Никогда. Ты не имеешь права никогда ничего подписывать». Другим учителем был Анджей Колодзей^[8]. Он тоже говорил: «Генька, никогда ничего не подписывай. А если

пойдешь сидеть, то думай, в чем ты умней всего, — тогда не будешь колотиться, даже если вколют тебе растормозку или что-нибудь такое». Ну и я каждый раз, как мне что-то давали или не давали — баланды или еще чего, не ела. Меня не интернировали, только задерживали на 48 часов, отпускали и на следующий день снова забирали на 48. Никогда ничего не подписала. Так что сегодня могут в моих бумагах рыться. Хотя и так много всяких бумаг сожгли. Уже в 90-е был у меня человек, который работал на сожжении бумаг в воеводском управлении, среди них было и мое досье. Во всяком случае, во время того их визита давали мне подписывать предписание выехать из Гданьска и запрет работать в ПНР — это было примерно на рубеже 1983–1984 года.

— *И вы выехали из Гданьска?*

— Поехала в такое место, называется Жуцево.

— *Почему именно туда?*

— Получила ксиву от знакомых с верфи, что туда могу поехать, приютиться. И договорилась, что приеду. Там был такой старый дом. В половине были окна, а в половине — нет, только выбитые стекла. Это было примерно в феврале, приехали ребята, гданьские студенты. В те рамы, которые еще были, вставили стекла, прибили их планками, окна настоящие. Очень хорошую квартиру себе сделала.

Надо было мне в гмине прописаться. Оказалось, что они уже всё знали.

Приняли меня очень хорошо. Фура проезжала через мой двор — должна была объехать, а проехала через двор, — и из нее выпал мешок картошки. На доброе начало. Летом приезжали ко мне студенты, и, пожалуй не погрешу, если скажу, что несколько на них опиралась. Известное дело, едет такой от матери, она ему консервов дала, того-сего. Я этим жила. И летом ребята расставили свои палатки. Отлично было — гитара у них была, играли. Пока не приехал солтыс. И говорит, что я должна переписать их всех, номера удостоверений личности и т.п. В первый момент села за машинку — и что сделала? Переписала эти номера. Но, переписывая, думаю: «Госпожи Боже, что я делаю?» Ну, сразу спички, сожгли мы это, и я говорю: «Парни, езжайте домой». Потом провели у меня обыск, никаких листовок у меня не было, так что ни к чему не могли прицепиться.

— *В этом самом Жуцеве вы вышли замуж?*

— До Жуцева. Мы были товарищами по работе, а в Жуцеве уже некоторое время жили вместе. Притом, что у нас не было ничего общего, у него даже невеста была.

— *А в Щецине...*

— Там устроилась на ткацкий комбинат, на галантерею. Галантерея — это такая пряжа, которая почти готовая идет на шпульки. Пошла на курсы.

— *А там не знали, кто вы?*

— Откуда? И тут я первый раз почувствовала, что что-то случилось. Получила от врача на три дня направление на легкую работу. Это было в декабре, потом прихожу на работу, а это была годовщина военного положения...

— *Какой это был год?*

— Вроде бы 1984 й. Входит бригадирша и говорит: «Ваша фамилия не такая-то, ваша фамилия Кшивонос, я вчера вас видела». А в тот день по телевизору показали — так по рассказам, потому что я сама не видела, — этот момент подписания [августовского соглашения], как мы входим в зал отдела безопасности труда. Я пошла и, честно скажу, плакала, потому что положение у меня тогда было очень трудное. Выходит за мной парень и говорит: «В прядильном цеху есть один тип, красный, как помидор, но в порядке. Иди и всё ему выложи». Ладно, иду. Вхожу: «Здравствуйте». — «Здравствуйте». Сидит, глядит на меня. Я говорю: «На самом деле моя фамилия Кшивонос, я подписывала августовское соглашение». А он: «Ну и что?» — «Ну и сегодня случилась трагедия, работала на галантерее, пришла бригадирша и велела мне уходить, потому что вчера, говорят, показали подписание. А мне некуда пойти, не будет на что жить. Воровать не пойду». Он выслушал и говорит мне: «Вы сегодня были на работе?» — «Только час». — «Выходите, пожалуйста, в ночь». После этого, может, три-четыре недели работала. Но один раз толкнула тележку и — села возле нее. Девчата думали, что я прикидываюсь, но мне было не до шуток. Пошла к врачу и получила больничный. Пока была на больничном, смотрю: на улице мужику бабу избивает. Дверной ручкой. Кровь льется, люди стоят глядят, никто не вмешивается. Ну и я пошла на этого мужика, вырвала у него эту ручку. А баба — представьте себе только — ругает меня последними словами. Во всяком случае оказалось, что кадровичка как раз проезжала и видела, как я стою перед домом. И на следующий день прислали домой контроль. Поехала себе что-то достать, приезжаю, а тут записка

из отдела кадров, чтобы явилась. Я голову ломаю, что делать, какой врач принимает. Оказалось, гинеколог. Села в автобус и поехала к врачу. Он меня принял, посмотрел, и оказалось, что у меня опухоль.

— *То есть вы случайно к нему поехали?*

— Совершенно случайно? И он мне говорит: «Я вас не буду обманывать, поезжайте в больницу, дело серьезное». На другой день поехала. Каково же было мое удивление, когда прошла все обследования и оказалось, что у меня рак. А в больнице попала на такого врача-грубияна, да еще это было как раз тогда, когда пациентам начали говорить правду. И он меня на другой день вызвал и сказал: «Вам осталось год, два, а может, три года жизни. Мы ничего не сделаем, вам тут у нас тое нечего делать». По дороге из больницы, как меня выписали, прощалась с целым светом. Поехала в рабочее общежитие, хотя тогда уже снимала угол, — но там был телефон. Оттуда позвонила в Гданьск, где у меня был замечательный врач, профессор. Позвонила ему, выплакалась в трубку, он меня ругает: «Говори со мной, а то я ничего не слышу. Я слышу только твой писк, плач, а ты должна говорить, а не плакать». Ну я ему рассказала, как дела, а он говорит: «Подожди, позвоню в «Люблинскую унию», — а это была другая больница. — Поговорю, что можно сделать, и завтра тебе отвечу». Ну и устроил мне место, и там я прошла операцию. Врач подтвердил первый диагноз. Уклонялся, но потом подтвердил: «Не хочу вам зубы заговаривать, потому что вам остался год, два, а может, три, а может, пять. Если будете о себе заботиться, то, может, и десять, это от вас зависит. Чего нельзя? Нельзя с тяжестью дело иметь прежде всего».

После всего этого я решила что если уж умирать, то в Гданьске. Вернулась в Гданьск — пусть хоть в тюрьму сажают, а я все равно буду в Гданьске. Вот где я их видела... Приехала в Гданьск, домой, где у меня не было мебели, не было ничего.

— *Какой это был год?*

— 1987-й. Конец апреля или начало мая. Узнала, что требуются на работу женщины, которые будут прислугой за всё: принеси, вынеси, подмети. Тогда в Гданьск привозили вьетнамцев, и открылось общежитие для иностранцев. Я там была всем, чем угодно. Надо было — так и ночным сторожем, надо было сидеть дежурной — я садилась и дежурила, надо было прибирать — прибирала.

Первые шаги мои были к Гвяздам. Они тогда издавали такую газету «Вне системы» и привозили мне, а я рассылала.

Получила от людей массу адресов. Мы встречались, но уже больше просто по-компанейски. Решила я тоже купить себе какую-то мебель. Я не была совсем бедной: пока лежала в больнице, получала по больничному, в больнице меня кормили, так что деньги откладывала на книжку. Один коллега обещал мне, что мебель привезет. Купила, жду его, а он не приезжает. Вышла на улицу — смотрю, перед овощным ларьком стоит «жук». Подхожу: «Мне тут надо мебель забрать, не можете ли вы перевезти?» — «Даже и не думайте, я только с биржи, оставьте меня в покое». А бабка из ларька говорит: «Кшисек, на Гданьскую — это ж рядом, перевези женщине». Ну он отвечает: «Как товар распакую, тогда поеду». Я эти ящики — а больше килограмма мне подымать нельзя — таскала вместе с ним, чтоб побыстрее. Поехали, мужики погрузили на машину шкаф и кушетку. Кушетку вместе с ними внесла наверх, но со шкафом ничего не моли сделать: шкаф дубовый. Никакими силами его сдвинуть не удавалось, остался внизу, а я ждала, что кто-нибудь поможет. Сели мы у меня на кухне и стали разговаривать. Он мне сказал, что был в милиции, в армии, что откуда-то меня знает, потому что когда-то видел фотографии людей, за которыми должна вестись слежка. Там был мой снимок.

— *И он вас узнал возле того ларька?*

— Нет, уже только дома, когда я ему сказала, что была в «Солидарности».

— *Тут он припомнил?*

— Да, и опечалился. Посмотрел на эту комнату, а там только столик и старый телевизор, ничего больше, только надувной матрас. Не взял от меня денег за эту перевозку. А еще в разговоре так сложилось, уж не знаю как, что я ему сказала, что у меня именины. Я была уверена, что та женщина в ларьке — его жена. И он пришел вместе с ней ко мне на именины. Подарил мне пачку кофе, и это был первый настоящий подарок в моей жизни. С детства я ни от кого не получала подарков. И представил мне эту женщину — оказалось, это его сестра. Она поболтала немножко и пошла, а мы остались одни и разговаривали, как старые знакомые, как будто много-много лет друг друга знаем. Проговорили с полдня до вечера. И в конце он еще сказал, что если хочу, то могу им в том ларьке помогать. Тогда я уволилась и стала у него работать. Его сестра выходила с утра, а я после обеда, или она после обеда, а я с утра. Когда готовила обед, заносила ему или он ко мне приходил. Никогда ни с кем не чувствовала себя так, как с ним. Как вторая

половинка яблока. 15 июля он пришел ко мне с сестрой, а 15 октября мы поженились.

— *Какая прекрасная история.*

— Кшисек младше меня. На 12 лет. Из-за своей болезни я не хотела за него выходить. Сказала ему, что больна и что у меня не будет детей. Сказала, что не могу выйти за него из-за разницы в возрасте, а то он потом найдет себе другую, а я буду горевать. Но не рассказала ему про свою жизнь, про патологическую семью, даже о профсоюзных делах не говорила. Столько всего лишь, чтобы объяснить, что один фиктивный брак у меня уже был, другого не хочу. А если говорить о профсоюзных делах, то я ему долго не доверяла, хоть так хорошо нам разговаривалось, и всегда говорила: «Чем меньше знаешь, Кшись, тем лучше».

— *Не доверяли — почему?*

— Не хотела его в это втягивать. Однако при слове «милиция» лампочка загоралась. Я ненавидела всё, что связано с милицией. А он еще мне сказал, что участвовал в розысках Попелушко. Во всяком случае я не хотела, но он дал мне слово быть всегда откровенным, не крутить, не мутить, а если что — разведемся. Обдумала я это, ну хрен с ним, и приняла решение. 15 октября мы поженились — смешно было, потому что его бывшая девушка выходила замуж за 45 минут до нас. Они спускались, его друг и эта девушка, а мы поднимались. На лестнице разминулись.

И сразу после этого приехала моя мама из деревни и сказала, что там умерла одна моя подруга. Умерла и оставила кучу детей. «Знаешь, там есть такая крохотная девчушка, я ее даже хотела взять с собой, но она не хотела ехать». Я послушала и говорю: «Ах ты, едем туда». Поехали, пошла к отцу этой малышки, поговорила и привезла Агнешку к себе. Сама оформила удочерение, пожалуй, всего за два месяца. До сих пор не понимаю, почему эти центры усыновления делают это по несколько лет. Вот так у меня появился один ребенок. А потом умерла моя соседка, за которой я ухаживала под конец жизни, и Ясь больше бывал у меня, чем дома. Тетка, которая должна была его взять, на суде заявила, что не хочет его, а я была свидетелем. Что мне делать? Судья говорит: «Послушай, мальчик, мне очень жаль, но придется тебе идти в детом». Тогда я говорю, что беру его.

Пришла домой, Кшисек на работе, а я себе думаю: «Боже, он же меня убьет». Приготовила ему такой жратвы, какую он любит,

а сама всю вторую половину дня ходила и нервничала. Кшисек пришел, я ему этак шуткой: «Кшисек, у нас двое детей». — «Как это?» — «Я Янека взяла». — «Ах, как хорошо». Вот так мы завели второго ребенка, а потом я взяла свою Олю, которая сейчас вот-вот откроет семейный детский дом. Когда мы ее спрашиваем: «Олюся, с чего это ты вздумала?» — она отвечает: «Папа, я хочу отдать другим детям то, что получила от вас».

— *А Олю откуда взяли?*

— Из детдома.

— *Как это пришло вам в голову?*

— Агнешка была маленькая, а я знала, что ребенка мне уже не родить. А ей очень хотелось сестру. Ну и мы приняли к себе Олюсю. Оле было 10 лет, когда мы ее взяли, Агнешке — уже семь, трое детей. Еще до того, как мы взяли Олю, я поехала в Бещады на такие каникулы с педагогом. Туда приехали женщины, которые усыновляли детей. И там оказалось, что эти мамочки приехать-то приехали, а думают только о том, как бы поболтать друг с дружкой, кофейку попить. С ребенком, правда, тоже выйти погулять, но на 15 минут. Им не о чем было говорить с этими детьми. Тогда я говорю: «Ребятишки! пойдём в горы?» — «Пойдем». Мамочки чуточку прошли и вернулись, а я с детьми прошла 16 километров. Потом злилась на себя: ребятишки возвращались последними силами. Бассейн там был противопожарный, мы его с ребятишками вычистили. Купались. Наконец-то я нашла, чем мне заниматься. Приехала туда такая дама от правительства, которая занималась семейными детдомами, и услышала, как дети на прощальный вечер сочинили про меня стихи и песни. Пришла ко мне и говорит: «Пани Геня, вам нужно открыть семейный детдом. Мы вам дадим домик — меблированный, оборудованный». Как приехала с этих каникул, начала моему Кшисю дырку в голове проверчивать. «Давай, Кшись, откроем, наберем побольше детишек, все наши будут, вот будет здорово». — «Геня, это ж не шарики от пинг-понга, тебе следует подумать. Шарик можешь отбить в сторону, а ребенка — нет. Тот, которого возьмешь, должен остаться с тобой. Если попадутся плохие, должна будешь плохих воспитывать, другого выхода нет». Стала моей свекрови рассказывать: «Знаете, мама, я хотела бы такой семейный дом открыть». А свекровь говорит: «Если надо помогать детям, то почему же нет. Будешь нуждаться в помощи — я тебе помогу». И это был аргумент, Кшисек согласился.

А потом начались разные проблемы. Оказалось, что каждый раз нам доставались трудные дети. Мы же их никогда не выбирали. Но они расцветали — я видела, как эти дети, которые, когда я их брала, были в коросте, мочились под себя, как они потом расцветали. Я думала, неизвестно как долго придется над ними работать, а оказывалось, что нужно только отнестись к ним сердечно, а ребенок отдает это в два, а может, и в три раза больше.

И у себя я заметила перемены — заметила, что дети научили меня быть осторожной, задумываться надо всем, что я делаю. Всё шло под их углом. Всё, что я делала, делала в пять раз спокойней, чем до тех пор. Всё было взвешено. Не мы с Кшиштофом их воспитывали — они нас учили самым разным вещам. Я нашла то место, где, пожалуй, всегда должна была быть, потому что это приносило мне удовлетворение. Когда дети приходили, я не просто гладила их по головке. Я считала, что дети, попавшие к нам в дом, уже имеют мать и отца, тем более что Кшись дал им свою фамилию. И еще одна важная вещь, о которой я Кшисеку никогда не говорю, потому что считаю: мужа хвалят после смерти. Но Кшиштоф был очень молодым, когда мы открыли наш детдом. Мне было за 30, а он на 12 лет моложе. Только что из армии. А он брал их за ручку, шел с ними гулять, зимой катал на саночках, смотреть на него было приятно. Это было невероятно. И до сих пор он такой.

— *Правильный человек...*

— Так вот. Сначала у нас первая тройка: Ясь, Оля и Агнешка. Потом приняла еще пятерых детей.

— *Какой это был год?*

— 1994-й, декабрь. Учредила этот дом и сразу получила пятерых детей — кошмар. Сегодня как вспомню — Боже! Что это было! Готовила во-о-от в таких кастрюлях! Лукашу было два года. Всю ночь рыдал: «Пани Эмилька!» — он к пани Эмильке привык. Целые ночи просиживала, прикачивала ребенка, утром была не в себе, а надо же было всё сделать. Это было пятеро малюсеньких детей — два, три, четыре, пять и шесть лет.

Складывалось это воистину трагически, пока мне не пришла идея. Была у меня старая прогулочная коляска. Купала детей, клала сначала Лукаша в коляску и пела: «Ты мое сердце забрала». Укачаю одного, перекладываю в кровать, берусь за другого. Вначале вообще ночей не спала, только днем часик. У каждого была своя сиротская болезнь. Лукаш раскачивался,

Патриция становилась на колени, билась головой об подушки, так что облысела. Надо было придумать, что сделать, чтоб у ребенка волосы были. Сшила красную шапочку, чепчик, и она в этой шапочке спала, шапочка вся вытерлась, но волосы росли. Разные вещи приходилось выдумывать. Сегодня я могу над этим посмеяться, потому что дети хорошо выросли и на всё это мне уже плевать, но тогда это вправду был тяжкий кусок хлеба.

— *Потом появился шестой?*

— Я получила бумаги на этих детей, и в бумагах было, что их больше. Начала искать сестренку. звонила под детским домам и т.п., но искала я Монику Радковскую, а оказалось, что у нее другая фамилия. И вдруг звонит мне директор детдома в Тчеве и говорит: «Глубокоуважаемая пани, у меня тут сестра детей Радковских, и она очень хотела бы с ними увидеться».

— *Сколько ей было лет?*

— Четырнадцать-пятнадцать. И приехала к нам домой. Прошла суббота, прошло воскресенье. В понедельник утром ей надо уезжать, а она сидит за столом и говорит: «Я хотела бы здесь остаться». — «Хорошо, — говорю, — но знай, принцессой ты тут не будешь. Ты должна помнить, что ни одного ребенка нельзя тебе обидеть. Так?» — «Ну да» — «Ну и надо тебе выбрать, как ко мне обращаться, можешь говорить «пани», можешь говорить «тетя», но на ты говорить не позволяю». Она отвечает: «А я буду говорить, как дети». А дети мне говорили «мама». Ну подождали, пока вернется Кшиштоф, она села с ним и говорит: «Папа, я хотела бы дома остаться». Утром поехали в детдом, и она там говорит: «Я хочу быть у родителей». Теперь она уж сама мама, двое детей, и не могу сказать про нее худого слова. Были у меня с ней неприятности, как у всех бывают с подрастающими девушками, бунтовала, когда я не пускала ее на дискотеку. Но я от нее дурного слова тоже не слышала, она была самой старшей, когда я ее взяла, остальные были малышня. Ну вот и всё.

— *Посчитаем. Сначала была первая тройка...*

— Да, еще в рамках приемной семьи. Потом еще девять, в том числе шестеро Радковских, то есть всех вместе 12...

— *Как это?!*

— Когда у нас уже было девять, мы могли бы уже больше не брать. Но взяли еще Ценека. А потом снова мне звонят: «Есть тут два маленьких мальчика. Страшно запущенные. Целыми

неделями были дома одни, изголодались и вообще — надо что-то сделать». Говорю детям: «Есть два мальчика, которых надо взять». — «Мама, — говорит Моника, — успокойся. Может, попозже». — «Ладно, — отвечаю, — поеду только посмотреть». Мы поехали с мужем, и директор приводит мальчиков. А мой Томек, теперь ему 18 лет, вошел и говорит: «Ой, мама, как хорошо, что ты за мной пришла!» И что мне было делать? Привезли их домой. «А я знала, знала, знала», — кричит Моника. И тогда я обещала моим детям, что больше никогда ни одного подкидыша не возьму. А потом снова узнала, что надо взять, но тогда уже некоторые дети выросли и разошлись...

— *Господи Иисусе...*

— Ну и пришлось взять — собиралась одного, а взяла двух.

— *И что дальше?*

— Моя Оля теперь открыла семейный детдом — тех детей, которые меня называют «тетей», собираюсь у нее оставить. Они с ней очень сжились. У Оли свой ребенок, муж, я детям объясняю: «Слушайте, я вас буду забирать домой на субботу и воскресенье. Из-за школы тут останешься, отсюда тебе в школу ближе». Честно говоря, я уже очень-очень устала. Надо отдохнуть. Тяжело было. Мало кто хотел помогать. Один раз мы попытались уговорить епископа.

Рассказываем епископу, как у нас, деликатно намекаем, что нуждаемся в помощи. Со всех сторон заходим, надеемся: может, попросит кого-то нам помочь. Епископ сказал, что будет за нас молиться.

— *А другие?*

— Мы долго воевали за жилье. Пошла к президенту (мэру города), села и говорю: «Пан президент, пришла к вам, потому что открыла семейный детский дом и хотела попросить, чтобы вы помогли мне найти помещение». А он отвечает: «Благочестивая цель за пять миллионов. Не в сердце же только дело». Так я рассердилась, что сразу вышла — не хлопнула дверь, не валяла дурака, но вышла оттуда. Потом примчался ко мне какой-то городской депутат со списком квартир, из которых я могла бы что-то себе выбрать. Потому что пан президент провел какую-то разведку и узнал, кто я такая. Увидела, что есть квартира на Дворской, недалеко от меня, там был кабинет «биологического обновления», 156 метров, ну я сочла, что должно быть приличное помещение. На первом этаже, небольшой садик, мечта для детей. И взяла втемную.

Сразу поставила галочку, что вот это помещение. И что же оказалось, когда въезжали? Кафель разбит молотком, краны вырваны, раковины расколоты, всё развалено, а на полу ничего не было — вместо цемента или какой-то подкладки просто земля, и только линолеум сверху наброшен.

Пришлось начинать с ремонта. Надо было взять специалиста, но он хотел получить деньги вперед. Если не получит денег, не сможет начать работу. Это был свояк священника, и священник прекрасно знал наше положение, знал, что мы сидим без денег, без ничего, и хотел нам помочь. Потому-то и привел к нам этого епископа Павловича. А епископ сказал, что будет за нас молиться.

— Но политика после 1989 года не перестала вас интересовать?

— Вначале мы что-то пробовали вместе с Гвяздами. Снова заводим свободные профсоюзы, реактивизируем. Разные вещи происходят, стычки не стычки.

— А как вы после 1980 года встречались с Валенсой — что это было: дружба, товарищество?

— Я уж такая, что всегда говорю людям то, что думаю. Кстати, благодаря этому все конфликты мы всегда выясняли впрямую. Но Лех побаивался, знал, какой у меня характер, опасался, что я могу с чем-то выскочить, поэтому избегал близких отношений со мной. Мы увиделись, когда Янковский^[9] отмечал 30-летие своего рукоположения. Лех приехал как президент. А это такие времена, когда приезжают к Янковскому разные знаменитости и он их сажает на стулья воле алтаря. И для меня тоже было место — возле Фишбаха^[10], а я не хочу сидеть рядом с Фишбахом возле алтаря. Мы с ним были по разные стороны баррикады, и никакого у меня нет желания. Во мне это засело.

А внизу сидят мои товарищи. Я и говорю: «Нет, я там сяду с ними, там мое место». Даже мы с Валенсой не поздоровались, так как-то вышло. Потом мы виделись в двадцатую годовщину августа. Валенса входит, со всеми здоровается, со мной тоже, но так здоровается... Он как будто меня прощупывал, как это будет, не выскочу ли я с чем-нибудь. Мне это было безразлично. Потом еще встречались на разных мероприятиях, всё было нормально. Нет возможности друг от друга отвернуться. Разговариваем друг с другом, не будем разрушать моста между нами.

— А как вам преобразования 90-х годов? Вы критически отнеслись к «круглому столу» и бойкотировали выборы, правда?

— Да, правда.

— *Вы по-прежнему считаете, что «круглый стол» был формой, приготовленной коммунистами?*

— Я бы с ними не села и водки пить не стала. Наверное, этого не сделала бы. А если говорить о самих преобразованиях, то мне многое не нравится. С социальной помощью — трагедия. Не знаю, не выдвину ли свою кандидатуру на следующих выборах, вправду не знаю, — социальная помощь у меня комом в горле стоит. Например, детская «скорая помощь», куда забирают детей из дому. А я считаю, что такой семье надо помочь. Договоримся, что не все дети — ангелы. Есть дети, которых трудно любить, потому что в них с рождения горечь накопилась. И эти дети только переходят из одной приемной семьи в другую — и что с ними станет? Никакой ни к чему принадлежности, ничего. Между тем, если бы семьям помогали... Я знаю случаи, когда у матери забирали детей только потому, что она жила в крайней нужде.

— *Вы считаете, что нужда лежит в основе патологии?*

— Разумеется. В этом году я выхожу на пенсию и не знаю, получу ли 600 злотых за весь свой труд. Молодой человек, кончая школу, идет работать, получает 650. В «Солидарности» я тоже разочарована: она недостаточно выступает в защиту людей. Тут — поражение по всему фронту, и это меня тревожит.

— *А откуда у вас такая одержимость в отношении агентуры?*

— Могу сказать откровенно? На этом пунктике все очумели. А ведь прекрасные люди — не знаю, в чем дело. Скажу так: когда я увидела Ярузельского на последнем процессе, то констатировала, что у них у всех в голове перевернулось, чтобы этого человека ставить перед трибуналом. Вижу старика, который ноги волочит. Помню тоже: когда мы были на Гданьской верфи, к Ярузельскому обратились, чтобы он ввел воинские части, а он отказался. Хоть за это поблагодарим его, а не будем его теперь таскать по судам. Если человек при смерти, дадим ему уйти спокойно. Нельзя так дергать человека. То же самое Валенса: что бы он ни сделал, но мы выбирали его президентом — я не выбирала, сразу говорю, потому что бойкотировала те выборы, — но народ выбрал Валенсу. Иногда я прихожу к выводу, что, видно, только я не была сексотом, а все другие были — ну, может, еще несколько человек с Гданьской верфи не были. Когда я услышала, что Юрчик^[11] подписал заявление о лояльности, думала, со стула свалюсь. Невероятно,

никогда бы не поверила. Но помнила и то, что случилось с родными Юрчика. Однажды Яцек у меня дома рассказывал разные вещи, а я ему сказала, честное слово, так прямо и сказала: «Яцек, я ничего не хочу знать, потому что если что-то случится, то как мне раз в морду двинут — всё расскажу, как на духу». Очень боюсь битья.

— *Но вы же никогда ничего не сказали?*

— Нет. И не подписала. Но давайте посмотрим с другой стороны. Мы с Кшисем торгуем в газетном киоске. Я больна, воспаление легких, у Агнешки моей грипп, а Кшись сидит весь день в киоске. В семь вечера закрывает, приезжает домой и в четыре утра встает, чтобы в пять открыть киоск. Так было целую неделю, потому что я всё болела, а он не заметил, как ему подложили лишние счета с товаром, который привезли. И Кшись взял, потому что очередь стояла, и подписал счета на семь тысяч злотых. А потом недостача.

— *Кто-то вас обжулил?*

— Не только нас, еще четыре или пять киосков, кладовщик повесился. И, возвращаясь, к делу Валенсы, там могла быть похожая ситуация.

— *Могли ему что-то подложить?*

— Подложить можно что угодно — даже что Валенса пять раз страдал венерическими заболеваниями. Всё можно подложить человеку, ребенка женщине в живот можно подложить. Это были времена, когда так поступали с людьми. Если б только этот Валенса не так судорожно защищался. Думала даже взять трубку, позвонить ему и сказать: «Ой, да пошли ты всё это...»

В прошлом году я с детьми поехала в Брюссель, пригласил меня Януш Левандовский, да и с сердцем было плохо. Там в Брюсселе, на главной площади, разные люди, с разных концов света, сидят вечером, так хорошо, зажигается освещение в замке, а они сидят и поют, каждый на своем языке. Только наши поляки стоят, ни один рта не откроет. Честное слово. Я тогда говорю своим детям: «Тут должен звучать польский язык, хотите не хотите, а пойте». И мои ребятки пели. У нас всегда должен быть кто-то, кто велит запеть, — и таким был Валенса.

Беседу вел Славомир Сераковский

Печатается с сокращениями

1. Богдан Борусевич (род. 1949), активист оппозиции с 1969, член Комитета защиты рабочих и Свободных профсоюзов. После 1989 политик, маршал Сената.
2. Здислав Кобылинский (1924-2006), рабочий, активист Свободных профсоюзов, с 1982 в эмиграции.
3. Анна Валентинович, работница Гданьской судовой верфи, активистка Свободных профсоюзов.
4. Анджей Гвязда (р.1935) — активист свободных профсоюзов и «Солидарности».
5. Мечислав Ягельский (1924-1997), экономист, член ЦК ПОРП, заместитель премьер-министра, представитель правительства на переговорах с забастовщиками в Гданьске в августе 1980.
6. Вальдемар Кучинский (род. 1939), экономист, активист оппозиции, эксперт Межзаводского забастовочного комитета в Гданьске, затем Всепольской комиссии «Солидарности».
7. Тадеуш Стефан Левандовский (род. 1944), активист «Солидарности», политик.
8. Анджей Колодзей (род. 1959), рабочий, активист свободных профсоюзов и «Солидарности», после 1989 муниципальный работник.
9. Свящ. Генрик Янковский (р. 1936), настоятель прихода св. Бригитты, капеллан «Солидарности».
10. Тадеуш Фишбах (р. 1935), первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Гданьске, после 1989 — дипломат и преподаватель.
11. Мариан Юрчик (р. 1935), учредитель «Солидарности» в Щецине, после 1989 — муниципальный депутат. В 1982 сын и невестка Юрчика погибли при невыясненных обстоятельствах. Заявления о лояльности во время военного положения предлагали подписывать активистам «Солидарности», в частности при выходе из лагеря интернированных.

УЛЫБКА

«Помнишь? — как-то однажды ты прибежал домой с разметавшимся шарфом, бросился к ящику стола, в котором лежали деньги, взял всё, что там было, ничего мне не сказал, выбежал из дома и тут же вернулся с первой порцией книжек издательства «Скира». Это женевское издательство книг по искусству... Он купил всё, что было в краковском Клубе международной прессы и книги», — вспоминает Анна Турович в беседе с Барбарой Н. Лопенской. А сам Ежи Турович добавляет с едва слышным вздохом: «Чудесные альбомы». Тогда, во времена ПНР, такого рода издания, поступавшие в ничтожных количествах в книжные магазины КМПиК, стоили бешеных денег — а семья Туровичей всегда жила небогато.

В памяти оживают такие картины: Ежи Турович на очередной выставке «Краковской группы» в «Кшиштофорах», на премьере краковского Старого театра, на первых показах кинофильмов Бергмана, Антониони, Феллини, Вендерса. И, конечно, в «Погребке под Баранами» — иногда даже на сцене, когда кабаре Петра Скшинецкого в 80–90-е годы отмечало специально поставленными спектаклями юбилей «Тыгодника повсехного» и его главного редактора, — и, естественно, на встречах в Рождество («облатка»), на Пасху («яичко») и на балах в «Погребке». Он присутствовал и на варшавских вернисажах и премьерах. Зарубежные поездки для участия в самых разных мероприятиях, так или иначе относящихся к Церкви, он всегда использовал, чтобы как можно больше увидеть — не только музеи или храм в Сегесте, о котором он потом прекрасно написал. Нет, он хотел и посмотреть недоступный в Польше фильм, и посетить выставку очень авангардного художника, и привезти очередную порцию книг для постепенно поглощавшей всю квартиру библиотеки, новую пластинку кого-нибудь виртуоза джаза или французских шансонье.

Из прихода в лесную сторожку Пране

Будучи читателем увлеченным и верным своим литературным пристрастиям, он умел дружить с писателями, особенно с поэтами, которые интуитивно чувствовали в нем читателя, пожалуй, почти идеального, понимающего и со чувствующего. Галчинский, Милош, Херберт, Твардовский, Мендзыжецкий, Юлия Хартвиг, Вислава Шимборская... Дружба со многими из

них иногда начиналась за много лет до появления их текстов в «Тыгоднике» — и продолжалась, несмотря на литературные разногласия или политические пристрастия. А Ежи Турович открывал для себя авторов новых поколений — от «новой волны» до Мартина Светлицкого и Иоланты Стефко.

Галчинский, один из его любимых поэтов, появился на страницах «Тыгодника повсехного» вскоре после войны и даже дождался некролога, когда в Польшу пришло сообщение — к счастью, ложное — о его смерти. Когда Галчинский вернулся в Польшу, он какое-то время отдавал свои стихи в «Тыгодник» — среди них были, в частности, «Фрагменты неудачных парижских говений». Потом сотрудничество по разным причинам сошло на нет, Галчинский — который сам подвергся нападкам приверженцев соцреализма — оказался по другую сторону политической баррикады, и у него появлялись такие стихи, которые никак не могли понравиться редактору, хотя бы «Поэма предателю» — памфлет на Милоша-эмигранта.

Когда в декабре 1953 г. Галчинский внезапно скончался, «Тыгодник повсехный» уже не выходил, но Турович попрощался с поэтом трогательной скорбной элегией в письме Збигневу Херберту. А сорок лет спустя, когда во время заседания редколлегии, проходившего на Висльной улице, обнаружилось, что мы забыли о годовщине смерти автора «Зеленой гусыни», настала одна из тех минут, когда главный всем нам показал, как он на самом деле умеет негодовать. И в тот же день он передал нам для печати короткую, полную сердечного тепла заметку с воспоминаниями.

*

А что же герой «Поэмы предателю»? Ежи Турович открыл для себя поэзию Милоша очень рано. В его библиотеке сохранилась «Поэма о застывшем времени», книжный дебют поэта, с собственноручной дарственной надписью автора 1934 года, а также другая редкость — комплект виленского ежемесячника «Жагары», сотрудником которого был Милош. А на следующем томе произведений Милоша, «Три зимы», стоит дарственная надпись от Анны Гонсёровской, будущей жены Туровича, разделявшей его читательские пристрастия и безусловно понимавшей, какую радость доставит такой подарок ее жениху. Среди заметок Туровича времен войны есть и листок, заполненный библиографическими справками о текстах Милоша, напечатанных в журналах 30-х годов. В публикации сборника стихотворений «Спасение» — выпущенного сразу после войны и надолго ставшего единственным в Польше сборником Милоша — Турович принимал непосредственное

участие: по просьбе самого автора он был... его корректором, так как Милошу пришлось уехать из Кракова, где книга печаталась.

Но прежде были встречи в Варшаве, куда Турович несколько раз приезжал во время войны; 23 апреля 1943 г., вернувшись после трехнедельного пребывания в Варшаве, он писал Казимежу Выке, выдающемуся историку польской литературы, с которым Турович был знаком еще до войны, передавая приветы от «варшавских друзей»: Ежи (Анджеевского), Чеслава (Милоша) и Кшиштофа (Бачинского). Анна Турович тоже бывала в Варшаве, хотя значительно реже; в 1959 г. в письме к Милошу она вспоминала о том, как привозили из Варшавы его стихи. «Помнишь, как я явилась к тебе, будучи еще в то время лично с тобой не знакома, на аллею Неподлеглости, и как ты разучивал со мной „мелодию” к „Песенке о конце света”? А я потом, чтобы не забыть, напевала ее про себя всю ночь, когда ехала на поезде в Краков».

Пребывание Милоша в Гошицах, усадьбе тещи Туровича, на рубеже 1944–1945 гг., вошло в историю литературы: благодаря написанным там нескольким его стихотворениям и двум рассказам Яна Юзефа Щепанского — «Конец легенды» и «Три красных розы». Милош/Вельгош, приехавший из Варшавы поэт с характерной «холодной и неумолимой иронией» в «добродушном, казалось бы, взгляде синих глаз», становится в этих произведениях одной из сторон в споре о прошлом и будущем. В архиве Туровича находится папка, в которой будущий редактор «Тыгодника» тщательно хранил черновики Милоша, отобранные у друга буквально из-под пера.

«Турович, — признавался поэт спустя годы, к 85 летию друга, — остался для меня личностью загадочной. Такое сочетание решимости и верности самому себе с той, казалось бы, волнообразной и колеблющейся линией поведения встречается редко. У него как будто был внутри гомеостат, удерживающий равновесие в бурную политическую погоду. И всё, что я о нем здесь пишу, было бы неполным, если бы я не признался, что завидую ему».

*

Стефан Киселевский любил рассказывать историю о том, как кардинал Сапега возмутился по поводу того, что «Тыгодник повсехный» пропагандирует «большевистское» искусство, так как редакция опубликовала на первой полосе репродукцию произведения Пикассо. История была несколько приукрашена: речь шла не о первой полосе и не о Пикассо, а о картине Марии Яремы (Яремянки) «Лошадки», которая послужила

иллюстрацией к художественной рецензии Хелены Блюм, — митрополит же, как объяснял позднее Турович, получил донос от возмущенного читателя... Так или иначе, Мария Ярема, прекрасная художница и при этом человек безусловно левых убеждений, в то время несомненно была представителем авангарда, а Хелена Блюм, тогдашняя рецензентка «Тыгодника», «модернистов» поддерживала. Альянс для католического общественно-культурного издания, вдобавок выпускаемого Краковской курией, в те времена довольно неожиданный...

Истоки этого опять же следует искать в личности и художественном выборе Ежи Туровича. Спустя годы, в беседе для полуподпольного журнала «НаГлос» («Вслух»), он признался, что сравнительно рано отошел от идеи «католической литературы» (хотя в первые послевоенные годы авторы «Тыгодника» охотно обращались к этой теме). «В любой хорошей литературе метафизические сюжеты (католические, христианские или не христианские) присутствуют — и не следует так их разделять, — объяснял он и добавлял: — Авангард меня очень привлекал. Правда, знакомство с современной поэзией я начал со „Скамандра“, но быстро перешел на позиции ему противоположные. Пшибось, „Звротница“, „Линия“ Ялу Курека — мне нравилось скорее это».

А художественное творчество? Тут опять следует обратиться к военному времени, точнее — к 1943 году. В мае этого года в краковской квартире Эвы Седлецкой, на третьем этаже дома 21 по Шевской улице, состоялась премьера «Балладины» в постановке Тадеуша Кантора. У ворот прогуливался о. Мартин Седлецкий, чтобы в случае опасности предупредить актеров и зрителей подпольного спектакля. Роль Балладины исполняла Мария (Лиля) Прошковская, впоследствии Красицкая, до конца жизни связанная с театром Кантора. Роль Алины — Кристина Зволинская, Грабеца — Тадеуш Бжозовский, Скерки — Марта Стебницкая. Янина Краупе-Свидерская была голосом Гопланы, Мечислав Порембский — Комментатором. А Ежи Турович в интересном конструктивистском костюме исполнил роль Киркора.

Снова возникает вопрос: каким образом Турович, в 1939 г. — редактор ежедневной газеты «Глос народу» («Голос нации»), органа христианских демократов, во время войны тоже связанный с христианскими демократами, с подпольной организацией «Уния», оказался в числе исполнителей легендарного спектакля авангардного подпольного

Независимого театра? Начнем с места действия. График Эва Седлецкая (в замужестве Котул) и ее брат Станислав, геолог и участник арктических экспедиций, — дети профессора Михала Седleckого, биолога и писателя, погибшего в январе 1940 г. в Заксенхаузене, дружили с Туровичем. Теперь вернемся снова к архиву Туровича и обратимся к хранящемуся в нем письму, отправленному 7 марта 1943 г. из Кракова в Гошицы.

«Наверное, тебя очень удивит такое предложение, но я надеюсь получить твоё согласие, — пишет Седлецкая Туровичу. — Итак, ты нам, то есть Кантору и др., совершенно необходим для исполнения роли Киркора в „Балладине“, которую мы вместе готовим к постановке. Твой голос невероятно понравился и вообще отказ не принимается... Ты должен согласиться!».

Не буду вдаваться в подробности, хотя и чрезвычайно интересные, касающиеся подготовки к спектаклю. Приведу только одну цитату: «...я вообще считаю, что ты должен познакомиться поближе с этим людьми, которые убедят Тебя в ошибочности суждений о „патологии искусства“. Кантор — режиссер бесподобный. Он создает настолько серьезное настроение, что трудно не поддаться этой атмосфере. Впрочем, лучше тебе самому в этом убедиться»... Из этого следует, что Ежи Туровичу в то время было не чуждо некоторое недоверие к новому искусству — может быть, как раз участие в спектакле Кантора повлияло на то, что он его полностью принял. И в дальнейшем он последовательно отстаивал право артистов на поиск, даже рискованный, — что отражено в его фундаментальной статье «О современности в искусстве» (1957).

А приключение с подпольным Независимым театром получило спустя многие годы неожиданный эпилог. 13 ноября 1990 г. Туровичу было присвоено звание доктора honoris causa Ягеллонского университета. Кантора весьма задел тот факт, что его не пригласили на это торжество. И тогда Лиля Красицкая надоумила Збигнева Барана — который всю эту историю описал позднее в книге «Кольцо „Балладины“» — организовать в «Кшиштофорах» встречу, чтобы конфликт уладить. Главным гостем был Ежи Турович, а тема звучала так: «Подпольный театр — авангард — „Тыгодник повсехный“». На встречу, состоявшуюся 28 ноября, пришел Кантор, участвовали также Мечислав Порембский, Ян Юзеф Щепанский, Халина Круликевич-Квятковская — актриса другого подпольного театра, созданного Мечиславом Котлярчиком...

Кантор, выступивший сразу после Туровича, произнес похвальную речь и в честь его самого, и в честь театральной труппы военного времени, и в честь «Тыгодника». Он говорил о

«юноше с умным, мечтательным взором» и мягким лирическим тембром голоса, «словно идущим издалека», о юноше, который неожиданно возник в кругу «художественной банды святого Франсуа Вийона». И закончил высокопарно: «Всё это я рассказал для того, чтобы если когда-нибудь будут ставить памятник Ежи Туровичу, славному польскому деятелю, то чтобы не забыли — не знаю, как это изваяют, но, может, удастся изваять? — не забыли этой улыбки, этой черты божьей военного времени, черты столь трогательной».

Турович был явно растроган. «...я считал Кантора другом, но он был эготистом, замкнувшимся в собственном мире... я никогда не задумывался над тем, что он лично обо мне думает», — объяснял позже Турович (хотя против идеи памятника решительно протестовал). Никто тогда не знал, что это было последнее публичное выступление Кантора, что десять дней спустя, во время генеральной репетиции спектакля «Сегодня мой день рождения», его настигнет смерть. Записанная на видеопленку встреча в «Кшиштофорах», напоминающая о начале его творческой деятельности, осталась отсветом неосуществленного замысла: спустя многие годы вернуться к «Балладине» и пригласить к участию в этом спектакле еще живых актеров того спектакля. Ну и осталась нереальная, но прекрасная идея — изваять улыбку Ежи Туровича...

ПРЕКРАСНОЕ ЛИЦО

Церковь, разумеется, оставалась той же Церковью, что до Собора, что после Собора, но понимание ее миссии в мире, ее отношения к миру изменилось довольно радикально...

Ежи Турович,

из «Бесед на исходе века» с Катажиной Яновской и Петром Мухарским, 1997.

Его размышления о Церкви формировались на протяжении двух четко обозначенных этапов. На первом этапе взгляды Туровича формировались главным образом под влиянием дособорного катехизиса, а также опубликованной в 1943 г. энциклики Пия XII «*Mystici Corporis*». Основу этих размышлений, таким образом, составляли «Credo» («Верую во единую, святую, соборную, апостольскую Церковь») и характерная для католичества особая связь с Папой, а также убежденность в богочеловеческой природе Церкви, мистического тела Христа. Как хранительница Откровения она представляет собой путь к спасению, которым должен следовать человек. Ни одного из этих фундаментальных положений Турович никогда не подвергал сомнению, однако постепенно, достигая зрелости в вере и не переставая учиться у Церкви, он осознавал всё новые ее масштабы и аспекты.

Перед переменой погоды

Например, общественный аспект. Постижению его способствовала, как мне представляется, прежде всего его деятельность в объединении католического студенчества «Возрождение». Там Ежи Турович со всей ясностью осознал, что католическая вера (которая невозможна вне Церкви!) — это вовсе не индивидуализм и не бегство от действительности. Спустя многие годы он говорил, что главное заключалось в том, чтобы понять, «что такое Церковь, отойти от понимания, что Церковь — это Папа, епископы и священники, а также миряне, которые должны соблюдать десять заповедей и по воскресеньям ходить в церковь; надо было ощутить себя членами Церкви, ответственными за ее миссию. Надо было лично участвовать, а не перекладывать все на духовенство». Иначе говоря, речь шла об общине и ответственности за нее.

Вся дальнейшая «католическая жизнь» Туровича была логическим продолжением такой позиции — активного участия в жизни Церкви и осознания роли в ней мирян. Это касалось и издания «Тыгодника повсехного», который — в соответствии с декларацией его учредителей — должен был служить «делу католичества». В 1945 г. (вскоре после выхода первого номера) это понимание служения Церкви, как своего личного, так и «Тыгодника», он воспринимал и описывал как органический труд во имя «углубления религиозности, распространения глубоко осмысленного, личностного мировоззрения, создания настоящего католического гуманизма (...), наконец, понимания той огромной роли, которую правда о Церкви как мистическом организме может сыграть при обязательном ныне обобществлении жизни общества».

Следует также сказать и о том, что старый принцип: вне Церкви нет спасения — он понимал в то время весьма широко. Этот принцип, разумеется, не означает, что спасение будет даровано исключительно католикам, но, как писал Турович в 1950 г., «когда кому-либо даруется спасение, то происходит это всегда в связи с существованием и жизнью Церкви», которая выполняет свою миссию ради блага всех людей. В том числе и тех, кто ее не знает, или, видя ее, не понимает. В то время взгляд на спасение, которое может быть даровано тому, кто знает Церковь, но в нее не вступает, многие ортодоксальные католики (включая духовных лиц) не воспринимали: им это казалось почти еретическим.

Многие статьи Ежи Туровича, написанные в тот период, проникнуты горячей верой в Церковь, которая «была основана именно для того, чтобы преодолеть трагичность человеческой судьбы, чтобы вернуть истории и культуре утраченный смысл, чтобы вновь вести человека к Богу, позволить ему формироваться в соответствии с его возможностями и предназначением». «Свет Церкви Христовой столь ослепителен, что тот, кто его узрел, с тех пор будет уже жить, сиянный им» (обе цитаты — 1950).

Но были в тот ранний период его биографии и критические тексты. Ибо Турович, подобно Сократу, с самого начала своей публицистической деятельности был словно овод, который стремится оживить Церковь, встряхнуть ее, расшевелить... Еще в 1938 г. в «Газете костельной» («Церковной газете»), в тексте «О двух католицизмах» он протестовал против попыток примирить католичество с национализмом и призывал к углублению религиозности, которая не должна носить

исключительно традиционный характер, призывал наполнять верой личную жизнь человека и жизнь общества. Задолго до конституции II Ватиканского собора «Gaudium et spes» он подверг критике союз алтаря и трона. Он осуждал любые проявления антисемитизма в Церкви: «Невозможно быть сознательным, последовательным католиком и одновременно антисемитом. Надо выбирать» (1957).

В то время, до II Ватиканского собора, такая позиция — сформировавшаяся, в частности, под влиянием чтения работ Жака Маритена, но и под влиянием Нового Завета, особенно Нагорной проповеди — звучала в Церкви как голос пророка (для одних) или... вредителя (для других). Ибо, по мнению многих священнослужителей, и не их одних, его взгляды носили спорный характер, а любая критика Церкви была по определению недопустима. Однако он уже тогда думал иначе.

После смерти Ежи Туровича писали, что он действительно любил Церковь. (Так всегда считал и Иоанн Павел II. Например, в письме Ежи Туровичу от 8 марта 1993 г. он писал: «Я знаю и совершенно уверен в этом на основании долгого опыта, что Вы любите Церковь и желаете служить ее миссии»). Одним из аргументов, это подтверждающих, была его интуиция, необычайная чуткость к тому, что уже исподволь созревало внутри Церкви. Ведь тогда ничто еще не предвещало принципиальных перемен, которые принес Собор. А главный редактор «Тыгодника повсехного» эти события, которым еще только суждено было произойти, уже предчувствовал — как тот человек, у которого перед переменой погоды ломит кости. Ибо он чувствовал Церковь сердцем.

Церковь — не подводная лодка

Однако предчувствие — это нечто совершенно иное, чем опыт. Поэтому и для Ежи Туровича II Ватиканский собор (а прежде — избрание и понтификат Иоанна XXIII) стал сюрпризом. И важнейшим событием в его долгой жизни, как он признавался спустя годы.

В статье, опубликованной в связи с 10-й годовщиной начала работы Собора (1972), Турович писал, что «всё происходившее в Церкви в течение этого десятилетия, некоторые называют революцией. Можно спорить, правомерно ли здесь слово „революция“, но факт заключается в том, что тут — на наших глазах — произошел невероятно мощный, резкий и внезапный поворот, перелом...».

Наступил также перелом и в его размышлениях о Церкви — открытие новых горизонтов, возможность совершенно по-иному взглянуть на то, что было столь хорошо известно, что казалось даже скучным и предсказуемым... Собор, отмечал он на страницах «Тыгодника», «дал новый, предвещающий еще последствия, образ Церкви; образ новый, хоть и глубоко коренящийся в старом и неизменном; новое самоопределение этой Церкви».

И хотя Турович никогда не отрекался от присущего Пию XII образа «мистического Тела» Христа (однако в его понимании оно не было статическим, как для большинства его современников), то теперь его убеждало и восхищало почерпнутое из Священного Писания и Предания такое описание собором Церкви, в котором она предстает как Народ Божий и община верующих, идущих под водительством Христа к спасению. Церковь, о которой он в 1950 г. довольно абстрактно писал, что это «необходимая форма истории», теперь стала для него активным субъектом истории со всеми вытекающими последствиями, в том числе такими, как возможность оказаться в кризисной ситуации (в конце 1960-х этот диагноз навлек на него критику кардинала Вышинского, который публично, с амвона, сказал, что «нет никакого кризиса в Церкви, можно лишь говорить о кризисе публициста, который об этом пишет...»).

Поэтому вслед за выдающимся французским пастырем о. Жаком Левом, «священником-рабочим», он утверждал, что «Церковь — это не подводная лодка». Почему? Потому что «подводная лодка полностью погружена в море, но ничего нет более отделенного от моря, чем она. А вот рыбак на своей лодке находится в море на самом деле. Часто Церковь среди людей подобна подводной лодке, которая недоступна волнам. А ведь надо, чтобы она была как лодка св. Петра, которая во время бури наполнялась водой».

Новое экклезиологическое понимание способствовало большей открытости Церкви современному миру, что определялось в то время итальянским термином «aggiornamento». В период, предшествовавший Собору, писал Ежи Турович, Церковь либо занимала оборонительные позиции, либо находилась в состоянии конфронтации с миром. Теперь, благодаря Собору, добавлял он, Церковь начала совершенно по-иному воспринимать мир: «Мир таков, каков он есть, а Церковь призвана выполнять в этом мире свою миссию, поэтому прежде она должна его понять, должна говорить с ним на том

языке, который этот мир в состоянии понять, и вступить с ним в диалог».

В результате в Церкви возникла необходимость вести многосторонний «разговор» с миром, начиная с христиан других конфессий, затем приверженцев других религий и до налаживания отношений с неверующими, вести диалог с миром культуры, со СМИ... Турович лично участвовал в этих диалогах (например, с иудаизмом) — и высказывался иногда весьма критически, когда убеждался, что иерархи или некоторые группы мирян, а также некоторые католические институты (например, СМИ) этой позиции Церкви не понимали или противились ей. Ибо для редактора «Тыгодника» открытость была равнозначна верности Христу.

«Позиция открытости, — писал он, — означает, что не мир существует для Церкви, но Церковь для мира. Церковь — это не незыблемый монолит, страж неизменной истины, который ждет, чтобы мир к нему пришел за этой истиной, чтобы он ему подчинился». Самой Церкви следует идти к миру, к человеку. Квинтэссенцией этой заново открытой истины о миссии Церкви были для Туровича слова, сказанные Папой Иоанном Павлом II в энциклике «Redemptor hominis», о том, что человек (каждый без исключения!) «есть путь Церкви».

Это был действительно переворот в восприятии Церкви, подобный тому, что совершил Коперник. Ибо вот наконец этот институт, на протяжении веков занимавший привилегированное место в общественном «космосе», теперь декларирует, что вместо того, чтобы царствовать, он желает служить. Это имело свои последствия и в политическом отношении — означало окончательный отказ от «властных амбиций и (хотя бы косвенного) господства над миром (...) отказ от привилегий, которыми светские власти наделяли Церковь со времен Константина». Это означало также отказ от так называемых средств богатых и желания навязывать другим свои взгляды...

Ежи Туровичу был чужд так называемый милитаристский образ Церкви как осажденной крепости или института, призывающего к крестовым походам против мира... Зато он глубоко верил в Церковь, которая — как евангельское начало — вездесуща и «кропотливым трудом изнутри изменяет мир».

Так и должно происходить, по его мнению, воплощение Евангелия в институциональной Церкви. А если когда-то бывало по-другому, говорил он, если считалось (иногда так считают и ныне), что Церковь «лучше всего служит Евангелию,

когда служит некоторым образом себе», — это означало, что ей следует вновь и вновь критически осмысливать себя, что ей необходимо неустанное обновление («*Ecclesia semper reformanda*») и обращение. Возвращение к Христу, ибо в Нем единственном — в Нем Самом, а не в Церкви, являющейся Его орудием, — заключена сила спасения человека.

Увенчанием и одновременно воплощением Собора стал для Туровича понтификат Иоанна Павла II. В противоположность западным спорщикам он говорил, что это первый «вполне соборный» Папа, то есть сформированный II Ватиканским собором. Огромное впечатление на Туровича производили экуменические жесты Иоанна Павла II, а также инициативы по активизации межконфессионального диалога (например, встреча в Ассизи — своего рода расширение единства и вселенского характера Церкви). Но особое значение Турович придавал призыву Папы к Церкви — который он считал также и самым смелым — «очистить память» и смело признать грехи и упущения, ответственность за которые несут приверженцы Христа. Этот своего рода новый взгляд на священную сущность Церкви стал для него чем-то совершенно невероятным; Ежи Турович возлагал на это огромные надежды, связанные с будущим Церкви и с ее обликом в глазах общественности. Ибо, писал он в статье, озаглавленной «Смелость Иоанна Павла II», осознание ошибок и готовность признаться в них «ни в коей мере не уменьшает престижа и авторитета Церкви — наоборот, укрепляет веру в нее», а Церковь кающаяся становится ближе Евангелию, ибо «полагается не на собственные силы, но на помощь Божию».

В данном контексте весьма интересна опубликованная на страницах «Тыгодника повсехного» в 2006 г. и касающаяся, в частности, ошибок, совершенных Церковью, а также допустимых пределов ее критики переписка Туровича с кардиналом Каролем Войтылой, ставшим впоследствии Папой Иоанном Павлом II. Прочитав эту переписку, можно задуматься над тем, могли ли (и в какой степени) взгляды главного редактора повлиять на мысли будущего епископа Рима. Ведь сам Папа (в письме 1993 г.) писал: «Не только какая-то „частичка“ меня была в „Тыгоднике“, но и его „частичка“ была во мне, в моем пути, в моем призвании...».

В свою очередь необыкновенно поучительным может стать изучение этих писем. Для меня они представляют еще одно свидетельство того, что Турович понимал Церковь как общину, в которой мирянин может разговаривать со своим епископом — и даже с Папой — почти как равный с равным (не забывая,

разумеется, о разнице в полномочиях и ответственности за Церковь). В этом диалоге речь идет прежде всего об истине, а не об этике. И когда Иоанн Павел II пишет, например, что в начале 90-х годов в Польше дело дошло до необоснованных, по его мнению, «всё более активных нападок левых сил и либеральных группировок на Церковь», Ежи Турович, не колеблясь, вступает в решительную полемику: «Картина нынешнего положения Церкви, которая возникает на основании сообщений лиц, посещающих Ваше Святейшество, в том числе священников и епископов, по моему мнению, довольно сильно отличается от реальной».

Так может обращаться к Папе лишь тот, для кого Церковь — дом, а епископ Рима — отец.

Критика, основанная на любви

Сегодня, спустя десять лет после смерти Ежи Туровича, я всё явственнее ощущаю, что у него в польской Церкви была особая миссия: он был «знамением сопротивления», человеком, призывавшим церковную общину (и самого себя как ее члена) к радикальной перемене жизни. К новому способу бытия и присутствия в мире.

Этот критический аспект его публицистики, появившийся в ней, как мы видели, уже довольно давно, стал особенно заметным после 1989 г., во времена свободы, когда Церковь в Польше, еще только пытавшаяся найти свое место в новой действительности и не очень умевшая его найти, была подчас закрыта от иных точек зрения. Главный редактор «ТП» неоднократно подвергался нападкам за свое критическое отношение к Церкви, на него обижались, но он не хотел — и не мог! — молчать. Молчание для него было бы конформизмом, отречением, попыткой спрятать голову в песок... А между тем «критика, основанная на любви к Церкви, — писал он, — имеет право и даже обязана раскрывать зло, изобличать его, показывать, что оно не имеет ничего общего с тем, что Церковь являет собой на самом деле. Только таким путем можно искоренять это зло и представлять добро во всем его блеске. Чтобы лечить, надо поставить диагноз. Критика того, что есть в Церкви плохого, не означает нападок на нее. Эта критика — служение Церкви, ее цель показать, что миссия Церкви — нести Евангелие миру», а отнюдь «контр-евангелизация»!

Турович это добро и миссию Церкви, которую он всегда воспринимал как вторую родину, последовательно старался раскрыть и показать. В частности, в цикле статей об особенно преданных учениках и последователях Иисуса Христа, таких

как мать Тереза Калькуттская или священник Ян Зея. Он сам ими восхищался и стремился передать это чувство (как к конкретным людям, так и к Церкви, которой они служили) своим читателям.

Такова была его мечта, одна из многих: чтобы поляки открыли прекрасное лицо Церкви, а Церковь «была на страже ценностей, помогала людям находить смысл их существования, их призвание и вела к примирению и братству». «Я хотел бы, — писал он в одном из писем Папе, — чтобы Церковь в Польше демонстрировала свободу, которую Христос дает человеку, а не воспринималась как угроза свободе. Чтобы она не воспринималась как институт, что-то указующий или запрещающий человеку, а для себя требующий прав и привилегий; но чтобы она убеждала человека, давала свидетельство Евангелию».

ПОЛЯКИ НА ВЕРШИНАХ ВЛАСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

В результате разделов Польши ее высшее дворянство, до тех пор имевшее полную власть в Речи Посполитой, очутилось в границах трех больших соседних монархий, в том числе Российской империи. С того времени перед многими неоднократно вставала дилемма: приспособливаться к новой действительности или бороться за утраченную родину. На всем протяжении XIX века вплоть до I Мировой войны значительную часть поляков волновала мысль о восстановлении независимости или хотя бы об обретении существенной автономии. Одни предпринимали вооруженную борьбу, другие действовали в сфере «органического» труда. Нельзя, однако, забывать и о тех, кто примирился со своим положением и старался, часто сохраняя сознание своей принадлежности к польской нации, преданно исполнять обязанности подданных императора, правящего многонациональной монархией. Нести государственную службу, особенно на самом ее верху, решались сравнительно немногие, а не решались по самым разным причинам. Самым серьезным фактором представляется неодобрение как с одной, так и с другой стороны: такие личности подвергали себя риску осуждения и презрения в глазах соотечественников, а от русских — открытой неприязни и обвинений в карьеризме. Разумеется, живя столько лет в рамках российского государства, многие поляки заняли там высокие гражданские либо военные посты, однако это не были функции, по-настоящему выделявшие в административной структуре громадной страны с такой чудовищной армией чиновников и военных всевозможных чинов и званий. Тем любопытнее случаи тех едва лишь нескольких лиц, которые при всём своем польском происхождении сделали головокружительную карьеру при дворе, активно участвуя в политической жизни одной из самых могущественных держав тогдашнего мира. Их биографии были очень разными, как и те посты, на которые они сумели взойти, хотя все они безусловно оказались на самых верхах государства. В их взлете большую роль наверняка играло аристократическое происхождение, но и другие существенные черты и обстоятельства, благодаря которым — и вопреки тогдашней сильной польско-русской неприязни — мы можем

отнести их к важным фигурам в политической истории России XIX столетия.

Первым и, пожалуй, самым выдающимся поляком, стоявшим в непосредственной близости к императору, был князь Адам Ежи Чарторыский [Чарторыйский, Чарторижский], занимавший в 1804–1806 гг. пост министра иностранных дел, а де-факто — помощника государственного канцлера. В Петербурге он вместе с младшим братом оказался сразу же после третьего раздела Польши, причем по требованию Екатерины II, которая обуславливала этим свою благосклонность ко всей их семье, уже много лет не одобрявшей политику России в Речи Посполитой. Князь был представителем одного из самых знатных и могущественных магнатских родов Речи Посполитой XVIII века. Адам Ежи Чарторыский приходился не только кузеном последнему королю Станиславу Августу Понятовскому, но и братом Марии, автору первого польского сентиментального романа, а главное — супруге (в 1795 г. — уже бывшей) герцога Людвиг Вюртембергского, шурина будущего императора Павла I, дяди будущих императоров Александра и Николая; таким образом, между князем и императорской семьей существовала ниточка свойства. Уже хотя бы такая близость свидетельствовала о высоком положении этого рода, чем не могли пренебречь в Петербурге. Князь Адам быстро подружился с великим князем Александром, в товарищи к которому его определил сразу же после своего восшествия на престол сам Павел I. Будучи при императорском дворе в изоляции, Чарторыский мог связывать все свое будущее только с наследником престола. Любовная связь с женой Александра (с благословения самого великого князя) всерьез восстановила против польского князя прежнего покровителя — императора Павла I и его супругу; после того как Елизавета родила от него дочь (которую Александр, кстати говоря, признал своей), Чарторыского изгнали из России, отправив послом в Сардинское королевство. Однако вскоре, после трагической гибели Павла в 1801 г., князь вернулся, чтобы быть рядом со своим венчанным другом. Первоначально он стал членом Негласного комитета, включавшего ближайших сотрудников императора, однако позже, после реформ 1802 г., его назначили заместителем министра иностранных дел и канцлера С.Р.Воронцова. Независимость и упрямство Воронцова раздражали молодого государя, которому удалось в конечном итоге принудить канцлера выйти в отставку [«по болезни»], а его обязанности стал выполнять Чарторыский. С тех пор на протяжении примерно двух лет польский князь стоял у руля российской дипломатии. Его назначение было, однако, продиктовано не только доверием Александра, но и

трудностями самого Чарторыского в Петербурге: ввиду зависти царедворцев он не обладал ни влиянием, ни непоколебимым положением и поэтому полностью поставил себя в зависимость от воли императора, питавшего непомерные амбиции в области внешней политики. На протяжении своей министерской карьеры князь Чарторыский хотел провести в жизнь многие планы, в частности заставить Турцию дать автономию грекам, активизировать российское влияние в Азии (от Грузии до Китая) — на этот проект значительное влияние оказал еще один поляк, граф Ян Потоцкий, востоковед-любитель, автор «Рукописи, найденной в Сарагосе». Однако самым важным делом Чарторыского был проект третьей антифранцузской коалиции, которой так опасалась русская аристократия. Этот план предусматривал образование Alliance de M^diation (Посреднической лиги), которой надлежало заставить все государства Европы четко выступить за или против Наполеона, обвиненного князем в стремлении к вселенской монархии. Среди союзников Александра I видели прежде всего Англию, куда министр с целью переговоров послал своего друга Николая Новосильцева, позднейшего председателя Государственного совета. Другими союзниками должны были стать Австрия, Швеция и Пруссия. Если с первыми двумя удалось заключить союзы, то Пруссия неизменно смотрела без всякого желания на войну, неизбежным элементом которой было прохождение армий через ее территорию. Чарторыский в то время обдумал еще и план образования независимого государства из территорий, отобранных Пруссией у Речи Посполитой в 1793 и 1795 гг.; это стало бы своего рода наказанием за нейтралитет, то есть в понимании князя — враждебное отношение к третьей коалиции. Чарторыскому удалось преодолеть сильное пропрусское влияние в Петербурге, доказательством чего стало его назначение в 1805 г. на посты сенатора и члена Государственного совета. Однако в конце концов Александр I отказался от полного осуществления замыслов князя, которые генералитет счел нереальными. С того момента его влияние начинает резко ослабевать, даже если еще под Аустерлицем (2 декабря 1805) Чарторыский находился рядом с государем. Однако возвращались они оттуда уже порознь. Чарторыского всё чаще безосновательно обвиняли в планах возрождения Польши за счет России и подозревали в желании взойти на ее престол. Понимая свое положение, в то время уже безнадежное, князь подал в отставку, которую получил 20 июня 1806 г., оставшись только попечителем Виленского учебного округа. Никто, пожалуй, не мог в то время предвидеть, что через двадцать с лишним лет этот недавно еще столь могущественный российский политик будет заочно

приговорен к казни посредством отсечения головы топором как глава польского правительства во время восстания 1830–1831 гг. Князь, тем не менее, пережил не только Александра, но и Николая I, а умер в эмиграции в Париже, оставив после себя память как о выдающемся польском дипломате, прошедшем выучку в великолепной русской школе.

На 30-е годы XIX века приходится российская карьера видного политика и экономиста-практика, князя Францишека Ксаверия Друцкого-Любецкого. Этот Рюрикович (хотя родом из довольно бедной семьи) заслужил себе известность в первую очередь как отец польской «промышленной революции» в тот период, когда он исполнял обязанности министра финансов Царства Польского. Однако в результате разразившегося восстания 1830 г. князь, не пользуясь расположением соотечественников, решил выехать в Петербург в качестве посланника повстанческого диктатора Хлопицкого. Лично настроенный против вооруженной борьбы, он всё-таки старался смягчить гнев Николая, что ему, однако, не удалось. На протяжении всего восстания князь оставался в стороне от дел, а для решения новых задач его призвали только в феврале 1832 г. — император назначил его членом Государственного совета, ответственным за дела Царства Польского. Вместе со Стефаном Грабовским они были тогда единственными поляками, заседавшими в этом самом важном политическом органе империи. Князю не поручили в нем никаких существенных задач, и он сам решил заняться тем, в чем разбирался лучше всего, — реформой финансов. В тот период Россия переживала серьезные экономические трудности, порожденные прежде всего огромной задолженностью государственной казны и неустойчивостью системы двойной валюты (ассигнаций и серебра). Любецкий представлял свои проекты, касавшиеся, например, эмиссии казначейских билетов с целью покрытия дефицита, а также коренной реформы банков. Хотя он был далеко не единственным, кто передавал в Госсовет свои планы на эту тему, но именно его считали главным соперником всесильного министра финансов графа Егора Канкрин. Этот гессенский немец был одним из любимых сотрудников Николая, поэтому долгое время его положение оставалось незыблемым. Даже те проекты графа, которые не нашли признания в Государственном совете и столкнулись с критикой Любецкого, император полностью одобрял. Канкрин держался крайне консервативного подхода к экономике, Любецкий склонялся к либеральным идеям, хотя и видел во временно ограниченном государственном вмешательстве существенный элемент, подхлестывающий экономику. Николай вообще боялся всяких революций, не

исключая и сферы государственных финансов, а такую революцию мог принести ему план Любецкого. Поэтому несмотря на поддержку адмирала Николая Мордвинова Любецкому так и не дано было занять кресло министра финансов. Вплоть до самой смерти (1846) князь оставался членом Государственного совета, хотя последние несколько лет, уже больной, стоял вдалеке от большой политики. Умер он в Петербурге, а в его католических похоронах, проходивших, когда императора не было в столице, участвовали будущий император Александр II и великий князь Михаил Павлович. Затем его тело торжественно перевезли в родовое имение в белорусском Щучине, где он покойтся и по сей день.

Членом Государственного совета состоял во времена Николая I и вышеупомянутый граф Стефан Грабовский. Потомок состоятельной кальвинистской семьи из Литвы, он служил в армии Речи Посполитой, а после восстания Костюшко (1794) попал в плен. Свободу ему принесла только смерть Екатерины II, и вместе с освобождением Павел I удостоил его графского титула. Грабовский не перешел, однако, на императорскую службу, а вернулся в свои литовские владения. В 1812 г., несмотря на присягу, принесенную много лет назад российскому государю, он выступил против него, став генералом в наполеоновской армии, а потом принимал участие в битве под Лейпцигом. Благодаря заступничеству своего друга Друцкого-Любецкого его миновали неприятности, связанные с этой очевидной изменой, и графа зачислили в состав армии Царства Польского в звании генерал-майора. Превосходные способности Грабовского как государственного деятеля проявились только в 1822 г., когда его назначили на должность статс-секретаря по делам Царства Польского. Это был очень крупный пост, связанный с постоянным пребыванием при дворе и непосредственным контактом с монархом: он был как бы связным между престолом и правительством в Варшаве. Грабовский оказался чрезвычайно ловким в смягчении всяческих напряженностей между ними: он знал, как много зависит от его докладов императору и личных бесед с ним. В историю он, однако, вошел преимущественно благодаря той роли, которую сыграл в декабре 1825 года. В те минуты, когда декабристы стояли на Сенатской площади, а царедворцы, собравшиеся в Зимнем дворце, не знали, с чего начать и что посоветовать неопытному Николаю, один Грабовский сохранил хладнокровие. Он рекомендовал императору не просто атаковать взбунтовавшихся солдат, но вначале показаться им и тем самым еще сильнее убедить их в необходимости покаяться и сдаться. Советы Грабовского принесли успех, и Николай не забыл этого, сделав его одной из самых влиятельных фигур при

дворе, — о новом императорском фаворите, в частности, сообщали по начальству зарубежные дипломаты. Тем не менее его положение оказалось серьезно подорванным в результате неприязни Николая к полякам, нараставшей к концу 1820 х (особенно весомую роль сыграл здесь судебное дело поляков, обвиненных в сотрудничестве с декабристами). Принимая участие в войне с Турцией 1829 г., Грабовский еще находился в свите Николая, но это было уже одним из последних проявлений высочайшей милости. Парадоксальным образом восстание 1830 г. и особенно его прямые последствия оказали воздействие на повторное возвышение польского графа. Он не только стал членом временного правления Царства Польского под председательством сенатора Федора Ангеля, но и был включен в состав Государственного совета — ввиду особого значения польской тематики, составлявшей тогда одну из важных проблем, которые занимали внимание обитателей Зимнего дворца. Ему присвоили также чин действительного тайного советника и удостоили ряда высших государственных орденов. В 1839 г. Николай повысил его, присвоив звание генерал-лейтенанта. Граф был уже, однако, пожилым человеком — в том году ему исполнилось 73 года, — и поэтому власти приняли его отставку. Умер Грабовский несколькими годами позже, в 1847 г., вдали от большой политики, в своих семейных владениях.

Польские влияния, если позволительно так выразиться, окончательно сошли на нет во второй половине XIX века, особенно после восстания 1863 г., когда даже самых верных из поляков (в частности, например, генерала, графа Адама Жевуского [Ржевуского]) император принимал неохотно. Как в России, так и в Царстве Польском, которое утратило свою автономию и сделалось генерал-губернаторством, не только поляки, но и явно русские с польскими корнями перестали занимать ответственные военные или гражданские посты. Потому-то стоит напомнить, что все-таки и в тот период было одно существенное исключение, какое представляла собой семья князей Святополк-Мирских. В те времена было уже, правда, трудно говорить о ее польскости; однако следует отметить, что в данном случае польское происхождение было трудно скрыть, что не мешало Святополк-Мирским играть на рубеже столетий существенную роль в истории России. А у этой семьи были очень интересные и поразительные корни. Первым ее представителем, непосредственно связанным с Россией, был Томаш; он родился в 1778 г., причем не в пышном дворце, достойном князя-Рюриковича, а в скромном доме в мазовецком городке Могельница, где его отец был бурмистром. Историки и специалисты по генеалогии решительно

сомневаются в его княжеском происхождении, хотя совпадение фамилий с подлинно княжеским литовским родом Святополк-Мирских в сочетании с покупкой соответствующих доказательств у этих последних помогло Томашу получить в 1821 г. подтверждение княжеского титула от Сената Царства Польского. Уже хотя бы этот факт дает нам почувствовать, как велики были амбиции Томаша, коль скоро ему удалось — собственно в один прекрасный день — стать князем (к тому же еще и в согласии с законом). Помимо титула он стремился сделать карьеру в правоведении. Он быстро поднимался на очередные ступени, в чем ему, должно быть, немало способствовала принадлежность к масонам. В 1818 г. его наградили орденом св. Станислава IV степени — первой среди многочисленных наград в истории этой семьи. Он был одним из протеже сенатора Новосильцева, благодаря которому в 1825 г. ему удалось сделаться депутатом Сейма Царства Польского, где он усиленно поддерживал правительственные проекты. Будучи князем (или ранее — претендентом на княжеский титул), он не мог позволить себе вести прежний мещанский образ жизни и поэтому купил земельные владения на Сувалщине — правда, относительно дешевые и расположенные на неурожайных почвах, но они всё равно превратили его в помещика. В ходе восстания 1830 г. князь не проявил особых заслуг, хотя под конец его занимался мобилизацией в отряды, действовавшие в районе Августова. С 1831 г. он обрелся в эмиграции в Париже, где вел жизнь не по средствам, без всякого на то права надевал порой генеральский мундир и не мог публично решиться, от кого он ведет свое происхождение — от Рюрика или от Пяста. И даже претендовал на польский престол. В конечном итоге Томаш Святополк-Мирский принял активное участие в организации польских поселений в колонизируемой французами Северной Африке. Ему удалось даже получить от французского правительства специальную концессию, благодаря чему он основал полуфеодалное поселение в Рассот? (4300 гектаров), став тем самым одним из пионеров французской экспансии на территории Алжира. К сожалению, вследствие серьезных экономических проблем, которые с годами затронули этот эксперимент, князю пришлось покинуть Африку. Тогда он направил в Россию прошение об амнистии (впервые он это сделал еще в 1831 г.), аргументируя это своими славянофильскими взглядами и родством с императором Николаем. В конце концов его помиловали, и Мирский поселился в Петербурге, где перешел в православие и принял имя Иван. Этот поступок вызвал большое возмущение у польских эмигрантов, но князь и так порвал с ними всякие контакты. В 1861 г. Александр II подтвердил княжеское достоинство для всей семьи. Его уже

взрослые сыновья Дмитрий и Николай начали карьеру в русской армии, где дошли до генеральских званий. Первый из них, герой Крымской войны, стал харьковским губернатором и членом Государственного совета. Его брат получил чин наказного атамана казачьего Войска Донского и тоже кресло в Государственном совете. Кроме того, он купил старую резиденцию князей Радзивиллов в белорусском городке Мир — вероятно, ввиду связи его названия с собственной фамилией [еще его отец занимался в Алжире колонизацией под именем князь де Мир]. Он восстановил тамошний замок и сделал из него великолепную резиденцию, достойную большого барина. В третьем поколении князей Мирских из Могельницы в историю вошел прежде всего князь Петр, занимавший пост министра внутренних дел на рубеже 1904–1905 гг. после убийства фон Плеве. Его назначение знаменовало в тот момент перевес либеральных сил, представленных вдовствующей императрицей — матерью Марией Федоровной и противостоявших консервативному окружению императрицы Александры Федоровны. Сам князь разработал план реформ, ослаблявших позицию императора в пользу Государственного совета. Скорое падение Мирского было предопределено кровавой бойней 9 января 1905 г., за которую он, правда, не отвечал, но послушно подчинился императору. После отставки ожидалось его включение в состав Государственного совета, однако этого не произошло, и князь умер в 1914 г. в отдалении от двора. Нельзя забывать и его сына, правнука князя Томаша — Дмитрия Мирского, выдающегося литературоведа и пропагандиста русской литературы на Западе, который особенно запомнился своей превосходной «Историей русской литературы» ^[1].

Представленные выше всего лишь три биографии и история одной семьи касаются случаев, вне сомнения, самых выдающихся и самых существенных, которые в совокупности складываются в более широкую проблему связей между польскими и российскими верхами в эпоху формирования современных понятий нации и национального сознания. Перечисленные фигуры — наряду с целым сонмом прочих второстепенных генералов, тайных советников и кавалеров самых высоких имперских орденов — вплоть до сегодняшнего дня остаются весьма спорными фигурами в истории как Польши, так и России. Не имея собственного государства, которому они могли бы предлагать свою службу, более честолюбивые из этих поляков искали свое предназначение в структурах агрессивной монархии, захватившей их страну. Как Чарторыйский, Друцкий-Любецкий, Грабовский, так и Томаш Мирский родились за много лет до окончательного падения

Речи Посполитой; однако, будучи свидетелями этой катастрофы и ее дальнейших последствий, они совершали выбор, продиктованный опытом этих событий. За исключением Мирского, почти наверняка искренне ощущавшего свою принадлежность к русской нации (хотя бы из генеалогических соображений), остальные никогда не отрекались от национальных корней, глубоко погруженных в многовековую историю Речи Посполитой Обоих Народов. Признавая себя ее наследниками, эти люди одновременно видели себя в качестве подданных российского монарха, которому обязаны преданно служить, не причиняя при этом ни малейшего вреда индивидуально понимаемым польским интересам. По-прежнему считая себя поляками (в указанном выше смысле), они вместе с тем были превосходными российскими политиками, и одно отнюдь не исключало другого. Их примеры замечательно показывают, насколько сложной и двусмысленной была история более чем столетнего совместного пребывания поляков и русских под одним скипетром династии Романовых.

-
1. В эмиграции Д.П.Святополк-Мирский перешел на марксистские позиции, вступил в британскую компартию, вернулся в СССР и погиб в ГУЛАГе. — Пер.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Похоже, поляки перестают читать книги. В конце марта Институт книги и чтения Национальной библиотеки сообщил итоги последнего опроса о чтении в нашей стране. Итоги катастрофические. В 2008 г. о чтении книг, т.е. о контакте в течение года хотя бы с одной книгой, заявили только 38% опрошенных (в 2006 г. — 50%). Нечитающие составляют большую часть общества (62%). Это самый низкий показатель чтения за всю историю систематических опросов, начавшихся в 1992 году.

После публикации этих гнетущих цифр раздалось, однако, голоса сомневающихся. Как можно, чтобы показатель чтения катастрофически падал, а продажа книг возрастала? Этот вопрос стал предметом специального обсуждения в Институте книги. Дискуссию вел Гжегож Гауден.

Вспомним, что в течение последних 16 лет польский книжный рынок вырос десятикратно (!) по объему продаж, которые в 2007 г. превысили 2,5 млрд. злотых. Предварительные оценки итогов 2008 года также показывают дальнейший рост.

— Снижение показателя чтения, зафиксированное Национальной библиотекой, просто невозможно! Такое падение должно было вызвать общий кризис на издательском рынке, чего не наблюдается, — сказал в ходе дискуссии Лукаш Голембевский, руководитель Аналитической библиотеки, многие годы наблюдающий за польским книжным рынком. — Нет никаких общественных и культурных факторов, которые могли бы вызвать спад чтения на 12%. Наоборот: последние годы богаты бестселлерами, такими как книги о Гарри Поттере или «Свидетельство» кардинала Станислава Дзивиша.

Голембевский считает, что Национальная библиотека допустила ошибку в ходе опроса. На него было выделено всего 17 тыс. злотых. Достоверные опросы значительно дороже. Для сравнения: Палата издателей прессы выделяет на свои опросы ежегодно 5 млн. злотых.

— Результаты опроса пугающие, они показывают разверзшуюся перед нами цивилизационную пропасть. Они не противоречат результатам опросов, проводимых Аналитической библиотекой. Продажа может расти, а

показатель чтения падать, — так заявила Катажина Вольф, руководитель Института книги и чтения Национальной библиотеки.

И по мнению других участников обсуждения результаты опросов обоих учреждений не являются взаимоисключающими.

Две новые книги издала Анда Роттенберг, художественный критик, куратор выставок, директор варшавской галереи «Захента» в 1993–2000 годах, одна из самых признанных в мире фигур польского искусства. Человек-институт. «Продолжение. Тексты о польском искусстве 80-х годов» (издательство «Open Art Project») — это подробная картина десятилетия, ознаменованного военным положением, эпохи крушения ПНР при генерале Ярузельском. Автор напоминает период бойкота официальных площадок и поиска альтернативных мест для выставок (например в костелах), период горячих идеологических дискуссий и переоценки ценностей.

Вторая книга, «Пожалуйста» (издательство WAB), — это литературный дебют известного художественного критика. Очень личная автобиография. Анна Роттенберг, говорится в издательской аннотации, ищет корни своей семьи и следы родственников, рассеянных по всему миру. Она пробует определить себя: ее семья — это этнокультурная мозаика. Предки по женской линии были русскими, мещанского сословия, православными. Бабушка по отцу — ортодоксальная еврейка, но уже ее сын отверг традиции.

В интервью «Дзеннику» Анда Роттенберг вспоминает родителей:

— Моя русская мама в молодости пережила голод в Ленинграде, а потом решила, что голода больше не допустит, поэтому готовила огромное количество еды и все время делала запасы. Она была большим человеком. Смотрела далеко, в ее собственном мире не было места, например, сплетням. Иногда она в шутку говорила: «Взгляни, во всех окнах на подоконниках подушки, чтобы соседки могли высунуться и смотреть, что делается на улице». Ее такие приятные занятия не привлекали. Она жила с размахом.

А мой размах ограничивает папа-галичанин и его «целую ручки многоуважаемой пани». Еврейский портной из Нового Сонча, он был человеком условностей. Его размах ограничивался карточными проигрышами. И если бы не эти его условности, я была бы другим человеком.

Один из самых пронзительных эпизодов книги — это рассказ Анды Роттенберг о наркозависимости ее сына Матеуша, его деградации и смерти. Следствием этой трагедии была тяжелая депрессия автора. А что потом? Борьба со своей привычкой к курению, поиск корней, кропотливое воссоздание генеалогического древа. Так с удивительной искренностью нам рассказывает о своей жизни представительница поколения, «на котором поставили эксперимент: марш-бросок, без оглядки назад, на свои корни, на могилы предков. Это поколение только со смертью своих близких обращается к прошлому, чтобы выполнить забытую обязанность, хотя немного уже удастся сохранить, потому что корни отмирают, а могилы молчат».

Вроцлавской поэтической премией «Силезиус» (названной — так же, как премия «Ангелус» — в честь вроцлавского латинского поэта Ангелуса Силезиуса), присуждаемой за совокупность творчества, отмечен Станислав Баранчак.

— Всей «закваской» польской поэзии конца 60-х — начала 70-х годов мы преимущественно обязаны Баранчаку. Именно он был главным представителем новой мистической поэзии конца 60-х. Именно он, переводя со многих языков, ввел в польскую поэзию широкий круг английских, американских и русских поэтов, — сказал о лауреате председатель жюри профессор Яцек Лукашевич.

Жюри присудило также премии в категориях «Книга года» и «Дебют года». Лучшей книгой признан сборник Кристины Милобендской «Потерянное», а в категории «Дебют года» — книга «Душан купил мотор» Дариуша Басинского, одного из создателей театрального коллектива «Мумио».

Лауреаты, кроме статуэтки «Силезиус», получили денежную часть премии: 100 тыс. злотых за совокупность творчества, 50 тысяч — за книгу года и 20 тысяч — за дебют. Премии вручал президент Вроцлава Рафал Дуткевич. Учредил Вроцлавскую поэтическую премию «Силезиус» город Вроцлав. Она призвана пропагандировать самые значительные произведения польских поэтов. В прошлом году премию «за совокупность творчества» получил Тадеуш Ружевиц.

Мариуш Щигел, автор сборника репортажей «Готланд», и переводчица книги на французский язык Марго Карлье стали лауреатами премии «Prix Amphî» 2009 года. Эта ежегодная премия присуждается преподавателями и студентами университета им. Шарля де Голля в Лилле автору и переводчику книги, вышедшей во Франции в предшествующем году. Ранее

лауреатами были, в частности, израильская писательница Зеруя Шалейф, а также пишущая по-итальянски Флер Жеги из Швейцарии и южноафриканский нобелевский лауреат Джордж Максвелл Кутзее.

Польский исторический кинематограф возвращает долги. После таких фильмов, как «Катынь», «Попелушко», «Катастрофа в Гибралтаре», на экраны выходит «Генерал Ниль» Рышарда Бугаевского. Его герой — Эмиль Фильдорф, руководитель диверсионного отдела Главного командования Армии Крайовой (он организовал покушение на палача Варшавы генерала СС Кучеру), а с июля 1944 г. — заместитель командующего Армии Крайовой.

После войны, случайно арестованный НКВД в 1945 г. под чужой фамилией, он сидел в лагере на Урале почти три года. По возвращении в Польшу не занимался подпольной работой: он не верил, что можно эффективно противостоять новому порядку. В ноябре 1950 г. его арестовала уже польская охранка. Несмотря ни на что, он не пошел на сотрудничество с режимом. Был осужден на смертную казнь как «предатель польского народа» и повешен 24 февраля 1953 г. в Мокотовской тюрьме.

Фильм Бугаевского собрал хорошую прессу. Критики подчеркивают, что режиссеру удалось в повествовании о национальном герое избежать пафоса и ходульности. Прекрасный образ создал Ольгерд Лукашевич. «Это не герой без страха и упрека, говорящий патриотическими лозунгами, — пишет Марек Садовский в «Жечпосполитой», — а человек из плоти и крови, делающий только то, что считает правильным, но всегда честный по отношению к себе и к другим».

В этом же ключе высказывается критик «Газеты wyborчей» Тадеуш Соболевский. По его мнению, в главном герое фильма «нет ничего от геройства военных фильмов в стиле action или от квасного патриотизма. Зато есть дух Армии Крайовой, с его скромностью, чувством долга и ответственности. Герой, одетый ради конспирации в мундир железнодорожника, кажется растворенным в толпе. Бдительный, не поддающийся эмоциям, трезво просчитывающий варианты, целеустремленный, но считающийся с ситуацией. Во время допросов удивительно терпеливый и выдержанный. Не удивляющийся ничему. Чуждый ненависти. По возвращении из Сибири он радуется свободе и семье, взрывается юношеским смехом. Перед казнью не разрешает завязать себе глаза. Большая роль».

Вильгельм Сасналь, самый известный художник молодого поколения, бойкотировал церемонию вручения премий «Гарантии культуры», присуждаемых телеканалом «Культура», принадлежащим государственному ТВ.

— Нынешняя ситуация на Польском телевидении активизирует взгляды, к которым я испытываю самое большое отвращение, — написал Сасналь, отмеченный премией в категории визуальных искусств (в частности, за выставку «Годы борьбы» в галерее «Захента»).

Художник не явился на церемонию, а прислал письмо с благодарностью за премию, подчеркнув, что высоко ценит программную политику телеканала «Культура». В чем же дело? В начальнике канала Петре Фарфале. Сасналь присоединился к группе деятелей культуры, которые решили бойкотировать телеканал, руководимый Фарфалом. Призыв к бойкоту на страницах «Газеты выборчей» подписали Анджей Вайда, Агнешка Холланд, Казимеж Куц, Кшиштоф Краузе, Марек Эдельман, Иоанна Щепковская, Юлия Хартвиг, Ян Новицкий, Ян Клята и многие другие.

«Телевидение стало собственностью бывших неонацистов и шовинистов, — написал Кшиштоф Краузе. — Сегодня его общественную миссию реализуют люди, которых нельзя пускать на порог. А они у вас дома. Каждый день по несколько часов, с момента, когда вы включаете телевизор».

— Господин премьер, Вам не стыдно, что Польским телевидением руководит антисемит? — спрашивают люди искусства и предлагают 3 мая, в годовщину принятия первой польской конституции (1793), не включать программы Польского телевидения.

Музей плаката в Вилианове подготовил интересную выставку — «Ветер из Сан-Франциско. Польский плакат рубежа 60-х — 70-х годов XX века». Представлены работы, созданные под влиянием увлечения англосаксонской графикой конца 60-х годов. Это был период молодежных протестов, лозунгов «новой эры любви и мира», психоделической музыки и пластики. Достаточно посмотреть на конверты старых виниловых пластинок, чтобы вспомнить, в чем состоит прелесть психоделической графики, сопровождавшей движение хиппи. Живописные, мягкие шрифты. Рисунок плавной широкой линией. Резкие, яркие цвета. Польские художники, несмотря на «железный занавес», быстро освоили этот яркий, полный экспрессии пластический язык. Вальдемар Свежий, Виктор Гурка, Ян Млодоженец, Эугениуш Гет Станкевич и даже сам

Генрик Томашевский не остались равнодушными к веяниям с берегов залива Сан-Франциско.

Эта сентиментальная — для моего поколения — выставка будет работать до 17 мая.

Возникло новое интернет-издание о культуре «Двухнедельник» (dwutygodnik.com), выпускаемое Национальным аудиовизуальным институтом. Проект объединяет авторов с разными взглядами, опытом и пристрастиями. Главный редактор — Томаш Циз. Среди авторов, в частности, Мария Попшенцкая, Михал Бристигер, Малгожата Лукасевич и Томаш Фиалковский.

В первом номере размещены среди прочего текст Иоанны Токарской-Бакир об автобиографии Анды Роттенберг «Пожалуйста», Кинги Дунин о книге Пшемислава Чаплинского «Польша на обмен», интервью Зофьи Круль с Малгожатой Шейнерт и рецензия на ее последнюю книгу «Остров-ключ», беседа Томаша Циза с Кристианом Люпой о музыке и роман Богуслава Дептулы о спарже, открывающий цикл «Литература от кухни». Кроме того, публикуется первая часть записных книжек Томаша Ружицкого и новые стихи Кристины Милобендской.

В программной редакционной статье написано: «Когда-то мы прочитали в «Дневнике» Гомбровича такие слова: «Литературе грозит опасность стать яйцом всмятку, а ее призвание — быть яйцом вкрутую». Это не только о литературе. Мы стремимся ставить вопросы круто, ясно и без ограничений. Но и иронично (хотя без издевки), непринужденно (хотя не безболезненно), а прежде всего, без императива „быть культурным”».

Поздравим проект с удачным стартом и пожелаем высокого полета.

В Интернете также почти год функционирует газета «Студия мнения» (studioopinii.pl), основанная группой независимых публицистов, журналистов и научных работников. В составе редколлегии — Стефан Братковский, Яцек Раковецкий, Эрнест Скальский, Яцек Паласинский и Войцех Мазовецкий. Русским разделом руководит Славомир Поповский, недавно открывший рубрику «*Russkij Ugo?ok*».

«Это наше новое предложение для всех интересующихся русской культурой, — пишет Поповский. — Здесь мы хотим представить то, что в ней было и остается самым интересным и лучшим. Возможно, тогда мы станем лучше понимать Россию

или просто ее почувствуем. Помните ли вы Александра Галича — поэта и первого большого русского барда, без которого, наверное, не понять ни Булата Окуджаву, ни Владимира Высоцкого, столь любимых и ценимых в Польше (причем это взаимная любовь)? Так вот, послушайте Тимура Шаова, сегодня одного из самых популярных российских бардов молодого поколения. В Польше его практически не знают. И для меня, хотя я провел в России больше 13 лет, он стал открытием. Из записей Тимура я выбрал несколько самых типичных для него произведений. В них нет крика, натянутых струн и гектолитров водки, но есть частица настоящей России, той лучшей России, которая умеет с горькой иронией смотреть на себя».

Прощания

23 марта на 62 году жизни в Варшаве умер профессор Павел Вечоркевич — историк, советолог, преподаватель Варшавского университета и Гуманитарной академии в Пултуске, специалист по истории вооруженных сил. Он принадлежал к числу учеников профессора Людвика Базилёва. Был неординарной фигурой, отличался индивидуальными, резкими, часто противоречивыми суждениями. Эрудит, любитель такс, стратегических компьютерных игр и изящной словесности, он был очень популярен среди студентов-историков, — так вспоминает покойного профессора его бывший студент Петр Зыхович, ныне журналист «Жечпосполитой». Павел Вечоркевич был автором и соавтором многих исторических трудов, таких как, например, «Польша, политическая история последних двадцати лет», «100 важнейших польских исторических персонажей», «Дилеммы истории. Нос Клеопатры, или Что бы было, если бы...», «Сталин и советский генералитет в 1937-1941», «Цепь смерти: чистка в Красной Армии, 1937-1939».

29 марта в возрасте 70 лет во Вроцлаве умер Станислав Друждж, выдающийся представитель польской «конкретной поэзии» — которая «пишет картиной», как сам он это определял. Он дебютировал как поэт, а с конца 1960-х выставлял свои работы в художественных галереях, трактуя то, что он делает, и в категориях визуальных искусств, — написала после его смерти Дорота Ярецкая. В 1968 г. выставлялся в галерее «Под Моной Лизой» во Вроцлаве, а с 1971 г. сотрудничал с галереей «Фоксаль» в Варшаве. Его выставки были попытками представить поэтическое мышление в трех измерениях, в пространстве галереи или в открытом пространстве. Будучи

парализованным, Друждж б?льшую часть жизни передвигался на коляске.

ТВОРЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА ВСЕГДА БЫЛА БЛИЗКА МОЕМУ СЕРДЦУ

— Как официально именуется ваше новое учреждение культуры в Белостоке?

— Мы называемся «Культурный центр Беларуси в Польше» и организационно существуем при посольстве Беларуси в Варшаве.

— Культурный центр в Белостоке функционирует всего лишь несколько месяцев...

— Официальное открытие центра — с участием белорусского посла — состоялось в ноябре 2008 года. Это наш первый в мире культурный центр такого типа.

— Белорусский центр служит превосходным местом для представления вашей культуры в Польше...

— Идея возникновения Культурного центра в Польше возникла давным-давно. Ранее мы присматривались к работе польского центра в нашей столице. Я имею в виду Польский институт в Минске, который существует и действует у нас уже на протяжении многих лет. Нам бы хотелось, чтобы наш центр предоставил польским гражданам возможность встречаться и знакомиться с белорусской культурой. Мы хотели бы показывать здесь своих театральных артистов и фольклорные коллективы, а также разговаривать о литературе, живописи, графике, скульптуре и о современном белорусском искусстве.

Нам бы хотелось, чтобы поляки как наши ближайшие соседи имели больше возможностей узнавать культуру своего восточного соседа. Потому что для белорусов нет людей, в большей степени связанных с нами, чем поляки. Ведь нас объединяют общая история, общие герои и общие творцы. Достаточно вспомнить Мицкевича, Ожешко, Огинского, Нарбута или Костюшко.

— Культурный центр в Белостоке уже доступен посетителям...

— Наш центр располагает красивыми демонстрационными залами площадью 80 кв.м и небольшими служебными

помещениями. Имеющиеся залы позволяют нам представить любого художника и его работы. Есть также смысл помнить, что наш центр действует в той части Польши, которую населяет относительно много белорусов, живущих в районе Белостока испокон веков. Для них наш центр — совершенно естественное место, куда они всегда могут прийти и чувствовать себя тут, как дома, участвуя во встречах с белорусской культурой, которая образует их корни и связывает с исторической родиной.

Надеюсь, кроме того, что и поляки тоже будут хорошо чувствовать себя в нашем центре и знакомиться здесь с культурой своего восточного соседа.

— *На протяжении последних нескольких месяцев вам и вашим коллегам удалось организовать целый ряд интересных встреч и выставок...*

— У нас за плечами три выставки живописи, фотовыставка, демонстрирующая архитектуру православных храмов Гродненского региона, встреча с белорусскими писателями Гродненщины, дни белорусского кино. На каждом из проведенных нами мероприятий присутствовало не меньше 45–50 человек. Наши выставки всегда экспонировались по несколько недель, и поэтому можно смело сказать, что их осматривает гораздо больше людей.

В течение прошедших месяцев вокруг нашего центра собралась немалая группа друзей. К нам заглядывают, в частности, как школьники вместе со своими учителями, так и студенты. Затем они делятся наблюдениями со своими знакомыми, и в результате круг заинтересованных непрерывно расширяется.

— *Ваш центр сотрудничает и со школами Белостока...*

— Весьма удачным мероприятием мы можем считать новогоднюю экскурсию детей из православной школы им. Кирилла и Мефодия в Белостоке вместе с их родителями в белорусскую часть Беловежской пуши. Мы побывали также у них на школьной рождественской елке. Хотим в ближайшем будущем организовать похожую экскурсию для ребятшек из детского сада №14 в Белостоке, где имеются группы, изучающие белорусский язык.

Наш центр также помогает тем белорусским организациям в Польше, которые хотят с нами сотрудничать.

— *Вы директор Культурного центра Беларуси в Белостоке. Каким образом вы сюда попали?*

— По профессии я философ. В течение многих лет работал в высших учебных заведениях Минска, занимался эстетикой. Потом оказался в министерстве образования, а затем — в МИДе, откуда меня и направили на эту должность в Белостоке. Раньше, в 2000–2003 гг., я работал в этом городе консулом.

Моя семья родом из окрестностей Кобрина и Бреста, и до 1939 г. ее члены учились в польских школах. Дедушка служил в польской армии — в Кракове, в полку связи, в 1927–1929 гг. В молодости я читал по-польски Сенкевича и других польских писателей. Такие книги стояли у деда на полке. А также Всеобщая энциклопедия. Кроме того, помню, как мой дедушка в 60-е и 70-е годы слушал у себя дома передачу «Лето с радиоприемником», которую транслировала I программа из Варшавы.

Работа в Культурном центре напоминает мне о деятельности моего отца, который на протяжении многих лет был директором музея живописи в Минске и одновременно неплохим художником. Творческая атмосфера всегда была близка моему сердцу. Поэтому я очень рад, что имею возможность работать с интересными людьми, которые открывают нам свое сердце. Это на самом деле приносит большое удовлетворение.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

БЕЛСАТОВЦЫ С ПОЛЬСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Спустя год после начала вещания телевидение «Белсат» доступно 20 тысячам зрителей. Недавно перед его объективом впервые официально выступил пресс-секретарь президента Александра Лукашенко Олег Пролесковский. Раньше он утверждал, что такого телевидения нет.

Днем они говорят зрителям «Витаю вас», вечером — «Да пабачэння в „Белсате”». Вещание они начали 10 декабря 2007 года, во Всемирный день прав человека, потому что по замыслу канал должен был стать для белорусов тем, чем было радио «Свободная Европа» для поляков и других народов восточного блока во времена коммунизма — источником независимой от власти информации. И сегодня 70 сотрудников «Белсата» эту миссию самоотверженно выполняют. «Это в основном любители, но они очень быстро учатся. И действительно выкладываются, потому что мотивировка у них идейная», — считает Матеуш Адамский, начальник отдела дизайна и промоции. Мотивировка необходима, потому что вся варшавская редакция ютится в нескольких комнатках на площади Варшавских Повстанцев. «Люди сидят друг у друга на голове», — признаётся директор канала Агнешка Ромашевская-Гузы, которая с мая просит у руководства Польского телевидения (ТВП) дополнительное помещение. Без Польского телевидения «Белсат» вообще не появился бы. Только в прошлом году оно выделило каналу 7 млн. злотых, оплатило спутник, предоставило помещение и оборудование. Однако главным спонсором «Белсата» остается МИД, который выделил 19 млн. злотых. Американцы добавили 250 тыс. долларов.

Что могут посмотреть благодаря этому жители Белоруссии? «Белсат» вещает шесть часов в день, с шести вечера до полуночи. В программе есть информационная служба «Объектив» (два выпуска в день), художественные и документальные фильмы, музыкальные и развлекательные программы, а также польские и американские сериалы, такие как «Офицер», «Мент» или «Алли Макбил», все с белорусским диктором. Ромашевская не хочет признаться, каким образом столь скромному каналу удалось раздобыть лицензию на

популярную «Алли Макбил». Известно только, что при покупке прав «Белсат» безрезультатно пыталось опередить белорусское государственное телевидение.

Студию «Объектива» удалось соорудить на клочке пространства, унаследованном от канала «Варшава». Программу готовят в Варшаве полтора десятка человек на основании материалов, присылаемых по Интернету коллегами из Белоруссии (почти 120 журналистов, комментаторов и монтажеров), а также иностранных информагентств и Польского ТВ. Выпуску в эфир материалов, присылаемых по Интернету, первоначально — из-за плохого качества — противился отдел вещания Польского ТВ. «В конце концов они признали необходимость этого», — утверждает директор канала. Визуальный образ «Белсата» создала фирма «Aart Design», которая до этого разработала графику для каналов Польского ТВ «Инфо» и «Полония».

Власти Белоруссии официально не признают канал, поэтому белорусские сотрудники не получают аккредитаций. Они ездят на автомобилях без опознавательных знаков, иногда выдают себя за журналистов других каналов или просто не представляются. Часто снимают неожиданно, пользуются материалами других журналистов. Корреспонденты говорят о своей работе: партизанщина. «Мы не нарушаем закон: каждый гражданин может снимать, а мы можем получить от него материал», — объясняет Сергей Пелеса, пресс-секретарь «Белсата». Однако из опасений перед хакерами, которые могли бы уничтожить все компьютеры Польского ТВ, у канала отдельная компьютерная сеть. Ведущие — белорусы из-за Буга, а не из Подлясья, поскольку у последних западный акцент. Для лукашенковской пропаганды это было бы подтверждением тезиса, что канал делается по указке империалистов.

Большинство белорусов, работающих в варшавской студии, приехали в Польшу учиться и остались. Двое уехали из Белоруссии из страха перед репрессиями. Алексей Дзикавицкий, редактор «Объектива», восемь лет назад работал корреспондентом радио «Свобода» в Пинске. В местной газете, главным редактором которой он был, он описал планируемые властями фальсификации на выборах. К нему пришли из КГБ, до этого он на неделю попал в местную тюрьму, по сравнению с которой минская — санаторий. «Я боялся за семью, поэтому мы решили уехать в Польшу», — рассказывает он. Ему это удалось, потому что, когда он переезжал через границу, его фамилии еще не было в списке разыскиваемых. Получил статус беженца.

Поэтому Дзикавицкий в Пинск не собирается, хотя его дело уже закрыто.

Другой беглец, Сергей Подсосонный, посещает родную страну тайно, несмотря на то, что за это ему грозит тюрьма. Он был преподавателем русской филологии в Гомельском университете и с самого начала делал материалы для «Белсата». Однажды он подготовил материал о гомосексуалистах, отправляемых в психушку (это была и его история), в котором рассказал, как признающихся в гомосексуализме белорусов упекают на неделю в заведения для психически больных, а по месту работы посылают письмо, информирующее о сексуальной ориентации. После этого к нему пришли люди из КГБ. Они провели обыск, а Подсосонного силой выволокли из квартиры. Его выпустили из СИЗО домой на выходные, чтобы собрать больше доказательств его антигосударственной деятельности. В квартире была установлена прослушка. В понедельник он должен был явиться на допрос, но в воскресенье товарищ тайно отвез его в минский аэропорт.

Столкновений с властями полна и история «Белсата». Самое серьезное произошло 25 марта прошлого года. Журналисты сняли тогда жестокое подавление демонстрации в Гродно, которая собралась в 90 ю годовщину провозглашения уничтоженной большевиками Белорусской Народной Республики. Многие телевизионные группы сняли, как милиция бьет палками участников, но только белсатовцы смогли переслать материал за пределы Белоруссии. Их съемки показывали по полутора десяткам каналов, в том числе Си-Эн-Эн и Би-Би-Си. Лукашенко был вне себя. Уже на следующий день в квартирах репортеров канала по всей Белоруссии появились сотрудники спецслужб. Было конфисковано оборудование, пленки, даже личные компьютеры. С того времени белсатовцы еще по крайней мере дважды перешли дорогу власти. Во время последних выборов, в сентябре прошлого года, в «Белсате» показали работу региональной комиссии, которая пошла на обед, оставив урну и всё помещение без присмотра. Результат и так известен, чего мучиться? После выпуска материала минские власти уволили председателя комиссии.

Одним из самых трогательных репортажей «Белсата» была история снятия с эфира минского государственного телевидения колыбельной — мелодии для детей, которую передавали по-белорусски еще в советское время. Лукашенко, видимо, пришел к выводу, что она слишком напоминает о родной культуре, и велел записать ее новый вариант по-русски.

«Нам в студии было ужасно грустно. Как если бы кто-то отнял у нас кусочек детства», — рассказывает Алина Ковшик, родившаяся в Гродно ведущая «Объектива». «Белсат» также напоминает об истории страны, замалчиваемой лукашенковскими СМИ. Даже самой древней. Журналисты сняли, например, репортаж об инсценировке битвы под Оршей в 1514 году. В Польше школьников учат, что в этой схватке 26 тыс. польско-литовской пехоты и гусар разгромило 70 тыс. московской конницы. Мы не знаем, что большинство польско-литовских солдат было родом из Белоруссии, а главнокомандующим был гетман Константин Иванович Острожский, шляхтич православного вероисповедания, говоривший по-старобелорусски. Для молодых белорусов это повод для особой гордости.

Канал показывает также обычную жизнь в Белоруссии. После материала о не отапливаемых микрорайонах под Минском в домах вскоре стало тепло. Для жителей маленького городка удалось добиться освещения в центре. Поэтому все чаще обычные жители Белоруссии пишут в варшавскую редакцию, информируя даже о местных делах. За последний год удалось снять 50 коротких и длинных документальных фильмов, а также одну театральную пьесу — «Местных» по мотивам произведения Янка Купалы. Один из кинематографистов, сотрудничающих с «Белсатом», — известный минский режиссер Владимир Колас. В обычное время он учит подростков белорусскому языку на полутайных собраниях. «Обычная партизанская работа», — смеется он.

С весны «Белсат» осуществляет вещание через спутники «Астра» и «Сириус» — последний имеет на Востоке большее покрытие. Согласно опросу расположенного в Вильнюсе независимого белорусского ЦИОМа «Лаборатория Новак», в 10 миллионной Белоруссии этот канал смотрят 2% телезрителей, то есть около 200 тыс. человек. Это результат, сравнимый с популярностью российских спутниковых каналов РТР «Планета», НТВ «Мир» или российской версии MTV. Почти 70% зрителей оценивают программу «Белсата» положительно. Средний зритель этого канала — молодой, хорошо образованный мужчина. Наиболее интересными он считает информационные программы, затем фильмы, музыкальные программы и документальное кино. По подсчетам «Белсата», каждое десятое семейное хозяйство в Белоруссии имеет спутниковую антенну. Так что у канала есть пространство для роста.

Популярность уже была бы более высокой, если бы канал можно было активно раскручивать. Но в официальных белорусских СМИ реклама не существует, рекламироваться можно только в независимых СМИ, в сети и эфире. Матеуш Адамский рассказывает о партизанском маркетинге: «Наибольший эффект приносят уличные акции. Общественники разносят наклейки, раздают их на базарах. К нам все время приходят просьбы прислать наклейки. Мы пресыщены рекламными сувенирами, а там все наоборот. Ну и, наконец, сарафанное радио. Такой маркетинг эффективен в стране, в которой о некоторых вещах говорят шепотом», — объясняет Адамский.

Более явную форму раскрутки утратило недавно ТВП. В трех городах на границе с Белоруссией с польской стороны должны были стоять большие щиты с рекламой «Белсата». ТВП не согласилось потратить на это 150 тыс. злотых. Неизвестно, сколько оно вообще передаст каналу в этом году. Руководство «Белсата» рассчитывает на 3–4 млн. злотых (половину того, что дали в 2008 г.), но перед лицом жесткого бюджетного урезывания на телевидении даже эта сумма не гарантирована. Меньше должен был дать и МИД (18 млн. зл.), но Сейм увеличил дотацию почти до 23 миллионов.

Денег будет меньше, но длаящаяся с осени оттепель в Белоруссии дает надежду на то, что каналу будет легче работать. «У нас наконец перестали сажать журналистов», — говорит Ромашевская-Гузы. Три месяца назад белорусские власти вернули конфискованное в марте прошлого года оборудование. А недавно перед объективом «Белсата» впервые официально выступил пресс-секретарь президента Александра Лукашенко Олег Пролесковский. Раньше он утверждал, что такого телевидения нет. Это придало смелости руководству «Белсата», и оно попыталось зарегистрировать редакцию в Минске. «Чиновница уходила то в отпуск, то на больничный. Наконец удалось подать заявление и все необходимые документы», — рассказывает директор канала. Ее заместительница Беата Паклепа добавляет: «Нам очень важно работать на территории Белоруссии легально. Потому что сегодня работающие на нас журналисты, несмотря на легкую оттепель, все еще очень рискуют. Это был бы шаг в сторону нормальности».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Первый в нынешнем году выпуск щецинского литературного журнала «Погранича» («Пограничья», 2009, №1), выходящего раз в два месяца, представил читателям запись редакционной дискуссии, посвященной развитию польской прозы в последнее двадцатилетие. Таких обсуждений в ближайшее время, конечно, предстоит еще немало — и в них не миновать сравнения с межвоенным двадцатилетием. В 1938 г. тоже хватало подобных дебатов и попыток обобщений; и кто тогда мог подумать, что речь идет о целом периоде — о всего лишь два десятилетия длившемся расцвете национальной литературы, которая вскоре окажется в драматически изменившейся ситуации. Что интересно, большинство тогдашних суждений никак не предсказывали оценок, появившихся после войны, когда стало понятно, что предвоенные литературные дебюты (Гомбровича, Анджеевского, Милоша или несправедливо ныне забытого Станислава Пентака), не говоря уже о наследии Виткация и значении «авангарда», к программам которого обратились после 1956 г., стали для литературы, создававшейся после войны как в Польше, так и в эмиграции, принципиальными точками отсчета.

И чем больше становится дистанция времени, тем в большей мере межвоенные двадцать лет — в принципе, с историко-литературной точки зрения, недолгий срок — удивляют богатством поиска, полифоничностью и динамикой литературной жизни. А как оценить последнее двадцатилетие, когда не только была ликвидирована цензура, но и исчезло разделение писателей на «здешних» и «эмигрантских»? Как сегодняшняя литература пользуется завоеванной свободой?

Во вступительном слове к обсуждению Петр Михаловский сформулировал вопросы, задающие рамки дискуссии:

«1. Отвечает ли (и в какой мере) современная проза на вызовы „нелитературной“ современности — общественные, политические, культурные? 2. Какие явления современности нашли в прозе свое отражение и в какой мере? Что было адекватным, что избыточным, а какие темы оказались

недооцененными или даже остаются белыми пятнами — „не распаханное” литературой полем?»

Это направление обсуждения подхватывает Кшиштоф Униловский:

«Мне кажется, что литература в общественной жизни — это своего рода вектор, который сам определяет себе вызовы. Читая книгу, я бы хотел, чтобы сама она выдвинула и очертила некую проблему как этический, интеллектуальный, художественный вызов. Это не то что заказ, на который литература должна откликнуться. Если я и чувствую какой-то дефицит, то он, скорее, связан с тоской по тому, что относительно редко случается. (...) Мне кажется, если мы чего-то ждем, чего-то ожидаем от литературы, то именно этого. А говоря о собственных претензиях и недовольстве, то признаюсь, что меня долгое время раздражала литература «корней» (т.е. посвященная проблематике «малой родины». — Л.Ш.); я не находил себя в границах этого дискурса».

Критик также формулирует важный, по его мнению, «вызов» литературе: «ПНР как мир или, скорее, как опыт, до сих пор не нашедший своего литературного воплощения».

В подобном ключе высказывается и Магдалена Рабизо-Бирек:

«Писатели после 1989 года довольно часто — чаще, наверное, чем раньше, — прислушивались к голосам прессы и критики, а также к голосам читателей. Все подсказывали (...) что и как надо писать. Когда, например, критика сетовала, что литература пренебрегает современностью — город, этот вот польский капитализм, изменяющийся мир, — то через некоторое время появлялась проза, которая говорила об этой нашей действительности (например, Масловская или Шутый), хотя уже не так, как раньше (...). В польской литературной традиции героем довольно часто становилась „соборность”. Литература концентрировалась вокруг Истории, и этим определялись многие черты нашей прозы. Поэтому в литературе последнего десятилетия мне нравится углубленная экзистенциальность, попытка построить новое высказывание о мире, избегающее ранее принятых критериев».

В качестве примера такого «письма» критик называет творчество Ольги Токарчук.

Томаш Мизеркевич, в свою очередь, указал на романы, которые поднимали вопросы общественной жизни:

«Было несколько таких попыток: „правый” роман в стиле Хорубалы, Михальского и других; здесь литература понимается как место, где как раз и должны обсуждаться подобные проблемы. Позже были ангажированные тексты „молодой” литературы — Масловская, Шутый и другие. Сейчас в наступление пошел левый политический критицизм... Всё это привело к тому, что публикуемые нынче книги очень часто проникнуты политизацией. (...) Петр Михаловский говорил о разработанных темах. А я приведу один пример, безусловно, недооцененной темы. И мы здесь увидим, что литература сегодня несколько иначе функционирует — не так, как представлялось, что вот есть некий социальный заказ, на который литература отзывается или обязана отозваться, а если не отзывается, то что-то с ней не в порядке, но можно провести какие-то мероприятия и всё наладить. Я веду речь о проблеме экономической эмиграции, то есть выезде за границу на заработки. Это громадный общественный опыт, и у каждого из нас найдется родственник или знакомый, который сейчас работает где-нибудь в Уэльсе, Ирландии или Англии...»

Разделяя позиции выступающих, Мацей Урбановский указывает на следующее:

«Если (...) говорить о вызовах современности, на которые современная польская проза призвана была ответить за два десятилетия, то я назову наиболее очевидное: новая Польша, новый мир, новый поляк. Здесь много вопросов. А мы действительно живем в „новом мире”, в „новой Польше”? И действительно ли Польша „новая”, и как ее описать, и как к ней относиться? Как осмыслить Польшу в качестве традиционного вызова польской литературе? Еще один вызов — это масс-медиа, поп-культура и проблема литературы (...) как субкультуры, согласия (или несогласия) на ее обесценивание или маргинализацию в среде массовой культуры. (...) Можно сказать, что Польша существовала в этот период именно как „малая родина”. Я говорю „родина” как *pars pro toto* того, что в эту пору меня тревожило, а именно: нехватка попыток понять и объяснить то, с чем мы все столкнулись после 1989 г. и на что так часто реагируем жестами недоверия, истерии, возмущения, обиды. Я говорю (...) о таком произведении, каким был „Генерал Барч” (Ю.Каден-Бандровского — роман 20-х годов, в котором автор критикует Пилсудского. — Л.Ш.), то есть о книге, которая средствами литературы, но и отчасти словно с научной достоверностью показывает, что такое новая или самая современная польская политика. Такого типа жестов или тем мне не хватало в нашей прозе».

Урбановский также подчеркнул, что нет прозы, способной поднять религиозную проблематику или вопрос, какова «память о ПНР, о коммунизме, о тоталитаризме».

Вступая в дискуссию, Униловский защищает автономию литературы: «Мне совершенно чуждо предъявляемое к литературе требование, чтобы ее проблематикой становились вопросы, на которые СМИ указывают как на важные. Если будет так, то мы впоследствии лишимся литературы, которая станет добавкой, дополнением, будет служить оправданием того, что делают журналисты, что делает пресса. Впрочем, в СМИ часто утверждается, что литература только тогда выполняет свою миссию, когда сосредотачивается на том, что ранее „мы показывали“. Так возникает своеобразный „контракт на произведение“, связанный с частным интересом самих СМИ, которые в литературе и культуре находят дополнительный инструмент для укрепления своих позиций и утверждения своего авторитета. Поэтому подход к литературе и оценка литературы по тому, обратилась ли она к какой-либо муссируемой прессой теме, представляются мне близорукостью. Мы часто были свидетелями любопытного „стадного“ поведения, когда чей-то индивидуальный успех, обычно неповторимый, определял издательскую конъюнктуру. Ну, хотя бы казус поиска „новой Масловской“ — разумеется, с каждым разом все более молодой».

Подведение итогов и пробы оценки относятся не только к литературе, но и к кино. На страницах ежедневной газеты «Польска» (2009, № 86) попытку такой оценки предпринимает Витольд Ожеховский в статье «Забытая Польша». Он пишет:

«Почему всё же поляки (...) не стремятся к тому, чтобы донести свою историю до всего мира? Единственный фильм, который посвящен важнейшему факту новейшей польской истории, это „Катынь“ Анджея Вайды. Жаль только, что фильм не дублирован на английский. (...) По-польски с субтитрами он обречен на ограниченный показ».

В отличие от польского, немецкое кино постоянно обращается к новейшей истории:

«В последнее время в Германии начинают переписывать историю. Немцы пятьдесят лет соглашались со своим образом гитлеровцев и палачей, а также злобных, безжалостных солдат, в котором они представляли в мировом кинематографе. Но теперь они решили это изменить, и нарастает тенденция показать себя тоже в качестве „жертв“ II Мировой войны».

В то же время, пишет Ожеховский, «мы, поляки, не умеем позаботиться о своем образе первых и главных жертв немецкой агрессии. О потерях, понесенных нами, о миллионах убитых, об уничтожении материальных и культурных ценностей сегодня не знают в мире, и даже в Германии. Единственный способ оказаться замеченными, высказать свое мнение, представить свое видение истории — показ этого средствами кино. Лучше всего в фильмах, снятых совместно с зарубежными студиями и дублированных на английский. Никто, однако, об этом не думает. Существующий уже несколько лет Польский институт киноискусства не выдвинул никакой инициативы, чтобы одна из этих больших тем, представляющих роль Польши в войне и ее потери от немецко-советской оккупации, была вынесена на экран. Институт внес средства только на фильм „Катынь”, но инициатива исходила от продюсера. (...) А ведь необходимо — с учетом того, что делают в Германии, Чехии, Франции, Англии — суметь показать на экране наше видение больших тем, связанных с войной. Чехи совместно с англичанами сняли масштабный фильм о чешских летчиках, принявших участие в битве за Англию, — „Темно-синий мир”. Мне кажется, что можно составить целый список больших польских тем для фильмов, отсутствие которых ведет к тому, что исторический облик Польши остается незамеченным в мире. При всем уважении к чехам, роль польских летчиков была несравненно большей, не правда ли?»

Признаюсь, что тональность этих замечаний несколько меня раздражает: такое неустанное стремление показать величие польской истории, упоминание об «историческом облике Польши» — это, по сути, довольно печальная демонстрация национальных комплексов и неуклюжая попытка преодолеть чувство неполноценности. Я думаю, что одних лишь фильмов Кеслёвского довольно, чтобы эти комплексы отставить, — это просто очень хорошее кино, и только такое стоит показывать в номинации «презентация Польши». «Катынь» Вайды — это не тот фильм, который ставит целью «раскрыть большую тему». Это просто замечательный фильм, где «всепольское» остается в тени человеческих трагедий, из которых состоят «исторические события», если говорить о людях, а не об Истории. И, признаюсь, я предпочел бы, чтобы Польшу представляло кино класса Вайды, Бунюэля, Бондарчука, Антониони, Кеслёвского или Альмодовара, а не кино, порожденное национальными комплексами, — тем более что именно такое кино делалось «по заказу» пропаганды в приснопамятную эпоху.

Не менее заинтересовал меня и список этих самых «больших тем», предлагаемый автором. Вот он:

«1. Варшавское восстание — гекатомба в центре Европы, гибель города и его культуры. (...) 2. Дивизион-303 и участие поляков в битве за Англию. 3. Монте-Кассино — героическая борьба польских солдат Карпатской бригады генерала Станислава Мачека в Италии. 4. „Энигма” — польская разведка и три математика в 1939 г. раскрыли тайну немецкой разведки и сконструировали версию шифровальной машины, которую предоставили союзникам. Англичане сняли фильм об „Энигме”, но ни словом не обмолвились о польских конструкторах и шифровальщиках, приписав себе успех! 5. Вывоз польских детей — о детях Замостья, которых отрывали от семей и вывозили для онемечивания. Большинство из них родители так и не нашли. 6. Партизанская борьба Армии Крайовой — деятельность самой крупной подпольной организации в оккупированной Европе как фон художественного фильма. Здесь есть место как для борьбы в городе (например, покушение на генерала Кучеру, покушение на актера-предателя Иго Сима), так и для партизанской войны в лесах. 7. Похищение немцами произведений искусства в оккупированной Польше. Глава Генерал-губернаторства Ганс Франк как центральная фигура. История „Дамы с горностаем” Леонардо да Винчи и „Портрета юноши” Рафаэля, похищенных из музея в Кракове. „Даму” обнаружили после войны, портрет пропал. 8. Ротмистр Витольд Пилецкий — один из великих героев II Мировой войны; его невероятная смелость и подвиги. Участие в конспиративной работе Армии Крайовой, проникновение в Освенцим с целью предоставить союзникам доказательства уничтожения евреев, участие в Варшавском восстании. Затем арестован коммунистическими властями, после показательного процесса по обвинению в сотрудничестве с немцами казнен. Человек, о котором Европа не знает, да и в Польше узнали недавно. 9. Деятельность Казимежа Мочарского во время войны и оккупации. Материал для голливудской драмы. После войны этот героический офицер Армии Крайовой был приговорен коммунистическим судом к смерти в ходе кампании по уничтожению польских патриотов, помещен в одну камеру с палачом варшавского гетто группенфюрером Юргеном Штропом. Подвергся пыткам, выжил, был освобожден. Написал книгу „Разговоры с палачом”. 10. История полковника Рышарда Куклинского, который передал ЦРУ планы Варшавского договора. Без вопроса: „Предатель или герой?” Понятно, что герой, как Валленрод. Драма офицера, который выбрал правду и заплатил за это высшую цену. Многие

указывает на то, что двух его сыновей убили люди, связанные с КГБ».

Не знаю, почему, да невольно в связи с этим вспоминается: «Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?» Может быть, мне свойственно какое-то постмодернистское стремление отстраниться от «великих дел». Возможно, я просто не дорос до того, чтобы понять, что искусство следует приставить к делу, цель которого — доказать миру, что «поляки суть великая и героическая нация». А мы средняя нация. Довольно доблестная, имеющая, как и другие, великих художников и великих героев. И что из этого? Ничего. Поэтому замысел делать польское кино для заграницы кажется мне ущербным. А если я неправ, то вношу рацпредложение: сразу будем делать это кино по-английски, будем, как Конрад, и литературу создавать на этом прекрасном, как все другие, языке, и хватит забивать себе голову разным там польским. От этого нам явный профит. Если именно это следует из статьи Ожеховского, то благодарю покорно, я уж останусь при своем славянском наречии.